

Константин ЦУКЕРМАН

*Практическая школа высших исследований, Исследовательский университет
Paris Sciences & Lettres (Париж, Франция)*

О КИЕВСКОМ ПИСЬМЕ ИЗ КАИРСКОЙ ГЕНИЗЫ^{1,2}

Аннотация: В исследовании уделяется внимание двум важным аспектам Киевского письма из каирской Генизы, которые должным образом не рассматривались. Первый из них касается дипломатического аспекта Письма, которое является копией, а не оригиналом, письма еврейской общины Киева в поддержку ее попавшего в беду члена. Это наблюдение в значительной степени определяет историческую интерпретацию документа. Второй аспект касается денежной единицы, *zaqq*, названной для описания долга, который должен был быть погашен носителем Письма. Этот редкий термин, наиболее ранней известной аттестацией которого является Киевское письмо, связывает его с еврейскими общинами Каролингской империи. Попытка понять древнерусский контекст использования термина *zaqq* побуждает нас рассмотреть сложную природу русской гривны, которая представляет структурно сходные черты, а также и древнерусской денежной системы в целом. Это исследование выводит нас на все более широкий круг проблем, касающихся денежных основ торговли между Востоком и Западом в X в.

Ключевые слова: Киевское письмо, Каирская гениза, хазары, Киев, еврейский брак, Гершом Меор ха-гола, закук, марка серебра, гривна, милиаресий, куна, ногата, резана.

¹ Авторизованный перевод с английского Аврама Торпусмана. Английский текст статьи опубликован: Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica*. Киев, 2011. Вып. X. С. 7–56.

² Первые наброски данной работы были представлены на семинаре Алексея Толочко (НАН Украины, Киев) 25 мая 2007 г. Симхе Эмануэлю (Еврейский университет, Иерусалим) я обязан подробной консультацией по ашкеназским респонсам. Благодаря дружеской помощи Ронит Никольски (университет Гронингена) мне стала доступна база данных Бар-Иланского проекта «Респонсы». Я очень признателен названным коллегам за поддержку и помощь, сохраняя, разумеется, за собой всю ответственность за высказанные суждения и ошибки в интерпретации.

«Киевское Письмо – подлинный документ хазарских евреев Киева» остается предметом живой дискуссии с тех пор, как оно было опубликовано под этим названием Н. Голбом и О. Прицаком в 1982 г. [75]³. Оба основных положения, заявленных в заглавии, а именно киевское происхождение письма и его связь с хазарами, были резко оспорены; многие детали издательских комментариев также вызывали возражения. Скажу сразу, что моей целью здесь вовсе не является возродить эти дебаты во всей их сложности и полноте, тем более что по основным пунктам я разделяю позицию издателей, признавая как киевское, так и хазарское происхождение Письма.

Настоящее исследование посвящено, в основном, двум аспектам Письма, которые не привлекли достаточного внимания издателей, да и позднейших толкователей, хотя их и трудно назвать незначительными. Речь идет, прежде всего, о дипломатическом аспекте Письма. Я показываю, что документ, сохранявшийся в генизе каирской синагоги, был копией – а не оригиналом – послания, составленного еврейской общиной Киева в поддержку своего задолжавшего деньги члена. Историческую интерпретацию документа необходимо пересмотреть в свете этого наблюдения. Второй аспект касается денежной единицы, *закука*, в которой выражается сумма долга, подлежащего возвращению. Киевское письмо представляется наиболее ранним текстом, где используется этот редкий термин. Попытка осмыслить его появление на русской почве приводит нас к рассмотрению русской денежной единицы гривны, обнаруживающей неожиданное структурное сходство с *закуком*. Эти разыскания выведут нас на более широкий круг проблем и позволят предложить ряд наблюдений о монетарных основах торговли между Востоком и Западом в X веке.

I. Документ из генизы – заверенная копия оригинального письма.

После краткого введения в стиле синагогальных гимнов авторы Письма излагают суть дела: «Теперь, наши вельможи и господа, мы, община Киева, (сим) сообщаем вам о трудном деле этого Мар Яакова бен Р. Ханукки...», который стал поручителем своего брата и оказался неспособным вернуть его долг. Пышно расхвалив Мар Яакова, авторы Письма ручаются, что он достоин доверия, – «поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему» – и завершают похвалой благотворительности и напоминанием, что за нее предстоит большая награда [75, р. 10–15].

Представляя читателю этот гладкий перевод, Н. Голб не скрывал связанных с ним трудностей. Строго следуя порядку слов в еврейской фразе, следовало бы перевести: «Теперь, наши вельможи и господа, (сим) сообщаем вам, общине Киева...». Н. Голб [75, р. 6] подкрепил свою версию перевода аргументами, которые были приняты не всеми учеными. Первым С. Шварцфукс в своей рецензии на издание [92, р. 433], а затем М. Эрдал [71, р. 95; ср.: 49, с. 131] предпочли буквальный перевод

³ Все дальнейшие ссылки даются по английскому изданию [75]. Имеется русский перевод книги, вышедший двумя изданиями: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим, М., 1997 и 2003. Ср. ниже, прим. 5.

фразы, из которого следовало бы, что письмо было отправлено в Киев из другого места. Представляется целесообразным вновь показать, почему подобный подход непродуктивен и буквальный перевод порождает больше проблем, чем решений.

Киевское письмо – типичное рекомендательное письмо (*хамлаца*), в котором еврейская община поручается за одного из своих членов, оказавшегося в столь тяжелом положении, что его община не в силах ему помочь и он вынужден просить милостыни в других общинах (частым поводом таких обращений являлся выкуп пленников). Соответственно, Письмо адресовано «святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира)» (строка 6). В данном случае, община, составившая послание, сама является заинтересованной стороной, так как она оплатила большую часть долга, чтобы выкупить Мар Яакова из рук кредиторов, и может рассчитывать на частичный возврат этой суммы в случае успеха его миссии. Очевидно, что послание теряет смысл и вес, если исходная община, выступающая гарантом за его носителя, в нем никак не определена – как это оказалось бы в том случае, если признать Киев местом назначения Письма, а не местом его составления. В этой интерпретации анонимная община не только заявляет в окружном послании: «мы послали его /Мар Яакова/ по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему» (строки 16–17), но и вставляет отдельный призыв к общине Киева, что выглядит весьма неуклюже, как грамматически, так и по смыслу. Можно ли полагать, что Мар Яаков вез отдельное письмо для каждой отдельной общины, которую он собирался посетить – с призывом о помощи, разжиженным всякий раз заявлением, что он и его спонсоры не рассчитывают на щедрость одной лишь этой общины⁴? Таким образом, интерпретация, выдвинутая С. Шварцфуксом и М. Эрдалем, помещает в Письмо фразу, которая лишает документ в целом логики и смысла. Поэтому я не вижу альтернативы мнению Н. Голба, что расположение местоимения *лахем* (вам) мотивируется соображениями стиля, а возникающая при этом двусмысленность корректируется контекстом.

За основной информативной частью текста Письма следуют девять подписей свидетелей, заверяющих его содержание и добросовестность его подателя. Первый среди них, Авраам, носит титул *парнас*, лидер общины (строка 25), и я хотел бы подчеркнуть, что столь краткий титул уместен и понятен лишь в том случае, если община, во главе которой стоял Авраам, была ранее определена. Бросается в глаза, что как имя Авраам, так и восемь последующих подписей, выписаны одной и той же рукой – той, что написала основную часть Письма. Н. Голб кратко отметил эту палеографическую особенность [75, р. 5–6], но, насколько мне известно, никто ее не

⁴ Я не могу понять логику утверждения М. Эрдала [71, р. 95], что «Письмо/, возможно, обращается к общине Киева за помощью посредством упоминания, что подобное обращение направляется и в другие еврейские общины». Его лингвистический аргумент против киевского происхождения письма, а именно «Письмо, вероятно, исходит из места, где говорят не по-хазарски», – вряд ли является уместным, поскольку мало кто станет утверждать, будто в Киеве разговаривали по-хазарски.

комментировал. У меня же есть этому только одно объяснение. Документ из генизы был не оригиналом, а копией рекомендательного письма, направленного еврейской общиной Киева в поддержку злосчастного Яакова. Это парадоксальным образом противоречит цели документа: только письмо, содержащее оригинальные подписи, могло представлять потенциальным донорам свидетельство доброго имени Яакова.

Однако сохранившееся Письмо ни в коем случае не являлось частной копией. В последней строчке содержится имя другого *парнаса*, Ицхака, выписанное иным почерком и иными чернилами. В этой же строке содержится еще одна запись, начертанная рунами особыми чернилами, много способствовавшая славе Письма (рис. 1). Как и Авраам, *парнас* Ицхак не считал нужным назвать ту общину, которую он возглавлял. Это может только означать, что каждый *парнас* поставил свою подпись там, где осуществлял свою власть: Авраам первым подписал оригинальный документ в Киеве, а Ицхак заверил его копию в месте, которое, естественно, не могло быть Киевом, где он возглавлял местную еврейскую общину. Далее я представлю некоторые соображения относительно его местонахождения, по всей очевидности идентичного тому месту, где Письмо было отмечено рунической записью. Иными словами, дипломатический аспект Письма позволяет опознать в нем копию оригинальной *хамлацы*, исходящей из еврейской общины Киева, копию, заверенную главой другой еврейской общины, вероятно, с целью представления документа той власти, которая оставила руническую отметку в левом нижнем углу.

О. Прицак, который сопроводил документ историческим комментарием, пренебрег его дипломатическим аспектом. Идентифицировав руническую подпись как хазарскую, О. Прицак писал: «Киевское письмо, написанное в Киеве на еврейском языке, было кем-то прочитано и аннотировано на хазарском языке хазарскими писменами, явно чиновником, уполномоченным читать документы, чья аннотация удостоверяла законную силу документа в целях путешествия» [75, р. 42–43]. Убеждение, что Киевское письмо было скреплено в Киеве подписью крупного хазарского чиновника, подвигло О. Прицака на обширное обсуждение сроков хазарского господства в Киеве и обстоятельств завоевания города русью. О. Прицак пришел к заключению, что хазарское правление длилось до начала 30-х гг. X в. и что киевское Письмо должно быть датировано концом этого периода, т.е. около 930 г.

Представления О. Прицака о роли хазар в ранней истории Киева вызвали резкие возражения, нашедшие наиболее полное выражение в серии статей П. П. Толочко [36, с. 104–108; 37, с. 38–42; 38, с. 99–108]. П. П. Толочко предложил собственную интерпретацию письменных источников и обратил внимание на почти полное отсутствие археологических свидетельств хазарского присутствия на территории Киева. Мне немного неловко определять свою позицию в этой дискуссии. Я полагаю, как и О. Прицак, что Киев появился на исходе IX века как торговая фактория на окраине Хазарского каганата и что он был завоеван Олегом лет 30–40 спустя после летописной даты этого события (6390 / 882 г.) [42, с. 346–349]; но я бы затруднился присоединиться к какому-либо аргументу О. Прицака. Ниже я обосную, что

датировка Письма около 930 г. не только маловероятна, но и просто невозможна. Но основное мое возражение касается базовой предпосылки О. Прицака, будто руны были начертаны на письме в Киеве. Они были начертаны там, где письмо было скопировано и где во главе еврейской общины стоял не Авраам, как в Киеве, а Ицхак.

О. Прицак прочел руническую подпись «по-хазарски» как *hokurim* и перевел ее: «я прочел /это/» [75, р. 41–43]. Н. Голб, со своей стороны, указал, что эта формула эквивалентна отметке *legi* или *legimus*, подписи византийских императоров [75, р. 15]. Прочтение и перевод О. Прицака были приняты с немногими замечаниями М. Эрдалем [71, р. 97–99]. Однако они были отвергнуты И. Л. Кызласовым и последовательно опровергнуты, руна за руной, В. В. Напольских, который заявил, что О. Прицак произвольно определил фонетическое значение большинства рун и сконструированная им глагольная форма лингвистически невозможна [12, с. 34; 20, с. 221–225]⁵.

Не-тюрколог не может занять собственную позицию в этом споре языковедов, но он в состоянии оценить исторические выводы, следующие из лингвистического анализа. М. Эрдаль находит в прочтении О. Прицака поддержку своей гипотезе о том, что Письмо было отправлено в Киев «из района Дунайской Болгарии» [71, р. 97–98]⁶. Эта теория, однако, более фантастична, чем любое построение О. Прицака. В Дунайской Болгарии нет следов использования рунического письма [12, с. 38]. Его появление в славяноязычной канцелярии болгарских царей X в. столь же невообразимо, как и скрепление (по выражению М. Эрдаля, «пометка цензора») христианским болгарским чиновником письма еврейской общины, написанного на иврите. И зачем путешествовать из Болгарии в Киев за милостыней, если рядом многочисленные и богатые еврейские общины Византии? Напротив, для И. Л. Кызласова и В. В. Напольских отказ от прочтения О. Прицака, да и какого-либо прочтения надписи, подтверждает ее принадлежность Хазарии, откуда происходят несколько рунических надписей, не поддающихся расшифровке.

Еще один круг проблем, поднятых лингвистами, касается интерпретации имен свидетелей, подписавших Письмо. Не будет преувеличением сказать, что О. Прицак, объяснив все шесть нееврейских имен как тюркские, преимущественно этно-

⁵ Следует обратить внимание на то, что приложение В. В. Напольских опубликовано лишь во втором издании перевода монографии Н. Голба и О. Прицака под редакцией В. Я. Петрухина, вместо ответа О. Прицака, опубликованного только в первом издании, на его критику В. Я. Петрухиным.

⁶ Предположение М. Эрдаля было воспринято и развито Д. Шапира [45, с. 61–62], который полагает, что Письмо было написано в 968–971 гг. евреями «Преславца-Киева» в Болгарии, пострадавшими от буйства русских завоевателей во главе с князем Святославом. Оно якобы предназначалось еврейской общине Киева, столицы Руси, и через ее посредство княгине Ольге для ходатайства о заступничестве за болгарских евреев. Однако я не вижу возможности увязать эту смелую конструкцию с действительным содержанием Письма и сожалею, что увековечивается старая путаница, где болгарская столица Преслав, захваченная Святославом, смешивается с полумифическим «Преславцем-Киевом».

ними, превратил Письмо в миниатюрный каталог тюркских племен. Однако вскоре А. Торпусман и В. Орел резонно возразили, что именная форма *GWSTT'* восходит не к алтайским языкам и к печенежской провинции Талмач [75, р. 39], а скорее к широко представленному славянскому имени Гостята [96, р. 174; ср.: 39, с. 48–53 (не видел); 22, с. 335–338]. Никто, насколько мне известно, эту интерпретацию не оспаривал.

В форме *SWRTH* О. Прицак усмотрел монгольский суффикс и объяснил ее как «принадлежащий к племени Сэвэр», более известному как Сабиры или Сабирские гунны [75, р. 37–38]. А. Торпусман предложил схожий подход на славянской основе, исходя из близости звучания *SWRTH* славянскому Севера или Северяне – племени левобережья Днепра в его среднем течении. Таким образом он сконструировал имя собственное Северята, относящееся к Северам, признавая, однако, что в славянской ономастике эта форма не представлена [96, р. 175]. Иную теорию предложил М. Эрдаль, возводя имя к форме *swartä*, «черный» или «смуглый» по-готски и по-древнескандинавски. М. Эрдаль обратил внимание на то, что *SWARTH* было не именем, а прозвищем свидетеля, чье имя он приводит как Шимшон Иеуда. Подлинное имя свидетеля – Иеуда (Шимшон – патроним предыдущего свидетеля), но в чем-то наблюдение М. Эрдаля справедливо. Прозвище должно обладать смыслом для тех, кто применяет его к его носителю, и потому М. Эрдаль напоминает о бытовании готского языка «в этой части Восточной Европы», а именно в Крыму, где на нем говорили вплоть до XVI в., по свидетельству посла Священной Римской империи в Высокой Порте Ожье Жислена де Бусбека [71, р. 100–101].

Идея о том, что по-готски разговаривали в Киеве – или, согласно локализации Письма М. Эрдалем, в Болгарии – X века, привлекает новизной, но она очень маловероятна. Более вероятное объяснение прозвищу предложил В. Орел, который обратил внимание на разительное отличие подписи Иеуды от остальных: патроним подменен в ней прозвищем, которое и объясняет отсутствие патронима. По В. Орлу, *вав* в слове *SWRTH* ошибочно передвинут, он должен был стоять после *reih*, таким образом исказилось слово *SRWTH* – славянское «сирота» [22, р. 335–338; ср. ранее: 99, р. 171–187]. Эту гипотезу можно несколько упростить. Прозвище можно прочесть и *SWRTH*, и *SYRTH*, ведь на письме едва заметно различие между *вавом* и *йодом* (ср. *вав* в *ha-mexuneh*); во всяком случае, путаница между *вавом* и *йодом* часто встречается в еврейских рукописях, особенно в словах, которые писец не мог опознать и вокализовать. Факт (не подмеченный В. Орлом), что Письмо является копией подлинного документа, в этом отношении существен. Прозвище Иеуды *SYRTH* означает, что отец его неизвестен, а догадка В. Орла, якобы прозвище «сирота» определяет статус Иеуды как прозелита (*ger*), не аргументирована. Прочтение «сирота» объясняет обе особенности подписи: отсутствие патронима и употребление прозвища. Оно твердо помещает подписавшего в славяноязычную среду.

Еще четыре имени были определены О. Прицаком в качестве тюркских: *KYBR*, *MNS*, *MNR* и *QWFYN*. М. Эрдаль подверг критике попытку О. Прицака связать

KYBR с названием племени каваров, восставших против венгров согласно трактату *Об управлении империей*, а QWFYN – с рекой Куфис/Кубань и с болгарами Куп'и *Армянской географии*. Только для имени MNR он признает возможным толкование О. Прицака, что оно происходит от Map äg «великий человек», хотя и с оговоркой «даже если Map-äg является правильным объяснением имени собственного и хазарским словом, мы не продвигаемся в вопросе о том, к какой группе тюркских языков относится хазарский» [71, р. 99–103]. Последний вопрос находится вне рамок данной работы, но я хочу лишь отметить, что критика этимологий О. Прицака не выявила альтернативы его атрибуции имен KYBR, MNS, MNR и QWFYN к тюркскому языковому полю.

Итак, примерно тридцать лет дебатов скорее обогатили, чем разрушили ономастическую панораму Письма, выстроенную О. Прицаком. Из десяти киевских подписей к Письму пять (включая Авраама *парнаса*) относятся к чисто еврейской ономастике, одна, Иеуда, состоит из еврейского имени и славянского прозвища, две содержат предположительно тюркские имена QWFIN и MNR с еврейскими патронимами, одна соединяет, скорее всего, еврейское имя (сохранилось не полностью) с патронимом MNS и, наконец, Гостята, неоспоримо славянское имя с патронимом KYBR и титулом, определяющим носителя как потомка священников (*cohen*). Такое добавление есть и при имени MNR, сына Шмуэля, второго *cohen'a* в Письме.

Комментируя это сочетание еврейской и «нееврейской» ономастики, Н. Голб здраво описал киевскую еврейскую общину как общину прозелитов, которые, «принимая иудаизм, не отбрасывали свои старые племенные связи», а поддерживали их, «сохраняя старые семейные имена» [75, р. 26–27]. Значительную трудность для Н. Голба представило наличие когенов среди хазар-иудеев, ибо строго наследственный титул священника в иудаизме недоступен прозелитам. Убежденный, что «обращенные пришли к соблюдению строгой раввинистической формы иудаизма», как это описано в пространной версии письма хазарского царя Иосифа к еврейскому вельможе Хасдаю ибн Шапруту из Кордовы, Н. Голб допускает «процесс священнической метаморфозы» – трансформацию прежних жрецов Тенгри в еврейских священников-когенов на ранней стадии процесса обращения [там же], но только не для реальных жертвоприношений. Я показал в другом месте, что пассажи в пространной версии письма царя Иосифа, настойчиво утверждающие строгую еврейскую ортодоксию хазар и отсутствующие в краткой версии, должны рассматриваться как интерполяция в текст. Я также показал, приводя свидетельство *респенса* рабби Иеуды бен Барзилая из Барселоны начала XII в., что хазары продолжали совершать жертвоприношения и после их обращения в иудаизм [101, р. 248–250]. Этим шокирующим свидетельством источника можно пренебречь, но его невозможно опровергнуть.

Пренебрежение свидетельствами источников превратилось в своего рода искусство в недавних спорах относительно связи хазар с иудаизмом, которые заслуживают краткого отступления от темы. Нынешний спор был затеян Ш. Зандом,

специалистом по истории французского искусства, в частности, кинематографа, из Тель-Авивского университета. В его книге с красноречивым названием «Когда и как был придуман еврейский народ» – нацеленной, как и вытекает из заглавия, на деконструкцию этого понятия – большая глава, воспринятая многими рецензентами как основа книги, посвящена хазарам [90; английский перевод: 91]⁷. Автор признает, что «сионистские реконструкторы прошлого» [91, р. 213], также представленные как «торговцы памятью» (р. 236) или «официозные историки» (р. 18), не сумели вытравить из памяти историю обращения хазар в иудаизм, несмотря на всю свою антихазарскую предвзятость. Тем не менее, автор пересказывает эту историю в деталях, признавая, что он «не является специалистом» и «допускает высокую степень спекуляции» (р. 20). Подобно любому антиссионистскому памфлету такого рода, книга Ш. Занда приобрела громадную популярность и более широкое распространение, чем все недавние академические публикации о хазарах, вместе взятые. Поэтому имеет смысл подвергнуть краткому рассмотрению 40-страничное повествование, которое стало для тысяч читателей новой «официозной» версией хазарской истории.

Сюрпризы ожидают читателя на каждой странице. Так, например, он узнает, что засвидетельствованная источниками история хазар «берет начало в IV в. н. э.» (а не с середины VII в.) и что хазары, «коалиция сильных тюркских или гунно-булгарских племен», «смешались со скифами, которые обитали в этих горах и степях между Черным и Каспийским морями» [91, р. 214], при том, что последние скифы, зажатые в маленьком анклав в Северном Причерноморье, сходят с исторической сцены за полтысячи лет до появления хазар. Пользуясь подборкой отрывков из армянской хроники Псевдо-Себеоса в старом переводе на иврит, Ш. Занд заявляет, что «Великий Каган» упоминается в ней как правитель Хазарии (р. 215), хотя мог бы узнать из современного английского перевода и комментария к этой хронике, что речь идет о *кагане* тюрков. По Ш. Занду, две еврейские буквы, шин и цадик, вошли в кириллический алфавит «под влиянием хазар, в ранний период их владычества над русскими» (р. 218); для него не имеет значения тот факт, что кириллица пришла на Русь из Болгарии, где хазары никогда не «властвовали», как, собственно, не властвовали они и «над русскими». Массу подобных ошибок можно отыскать и на следующих страницах, но в мое намерение не входит подробно рецензировать труд Ш. Занда – рекомендованный видными французскими историками П. Ассулином и Ж. Жюльямом как выдающееся историческое исследование и обязательное чтение. Мне кажется любопытным проследить, как авторское принципиальное пренебрежение современной «официозной» ученостью сказывается на его попытках выстроить собственную концепцию.

⁷ Я ссылаюсь на текст английского перевода. [Существует и русский перевод: Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ / Пер. М. Урицкого; под ред. А. Этермана. М., 2010. – Прим. пер.]

Хазары заняли центральное место в аргументации Ш. Занда, так как он усвоил тезис, разработанный А. Поляком и популяризированный А. Кестлером, будто обратившиеся в иудаизм хазары были основными предками восточноевропейских евреев. «Перепакованная» в рамках его деконструкции еврейского народа, эта идея приобрела изрядную популярность. Многие израильтяне были столь воодушевлены перспективой сменить предков и обратиться в потомков гуннов и скифов, что книга Ш. Занда на иврите стала бестселлером. Однако его концепция страдает от структурных дефектов, которые указывались, и не раз. Падение Хазарского каганата датируется источниками и традиционной историографией 60-ми гг. X в.; есть споры относительно точного года, но не десятилетия. Существенное увеличение числа восточноевропейских евреев, – слишком резкое, по мнению историков-ревизионистов, чтобы удовлетвориться его традиционным объяснением миграцией германоязычных евреев из Западной Европы, – наблюдается не ранее конца XIII в., а по сути на столетие позже. Популярное эссе А. Кестлера, предтечи Ш. Занда, не содержит объяснения, где потомки обращенных хазар прятались целых три столетия после разгрома собственного государства и как им удалось пережить без потерь монгольское вторжение, сильно ударившее по городским центрам, где они предположительно обитали. Ш. Занд не бежит от проблемы и предлагает новое революционное решение, которое можно резюмировать в трех словах: Хазария не пала!

Как первое доказательство продолжения существования Хазарии после 960-х гг., Ш. Занд утверждает [91, р. 228, со ссылкой на Д. М. Данлопа: 68, р. 251], что «в 1016 г. н. э. объединенное византийско-русское войско напало на Еврейское царство и нанесло ему поражение». Однако Ш. Занду следовало заметить, что правитель покоренного края носил христианское имя Георгий и фамилию Цула, что свидетельствует о его принадлежности к аристократии крымского города Херсона. Излагая это событие, византийский историк Иоанн Скилица не упоминает о «Еврейском царстве», и к бывшему Хазарскому каганату оно никакого отношения не имеет [104, р. 224; см. подробнее 105]. Выживание Хазарии после поражения Цулы объясняется довольно странно: «С этого времени русская церковь управлялась Константинопольским патриархом, но этот священный альянс долго не продлился. В 1071 г. сельджуки, восходящее племя тюркского происхождения, разгромили большое войско империи, а затем и русское Киевское королевство тоже распалось» (р. 228; напомним, что Русь оставалась реальной силой до монгольского нашествия, а Константинопольский патриарх продолжал назначать Киевских митрополитов до середины XV в.). Более чем на непрерывном существовании Хазарии как государства, Ш. Занд настаивает на ее жизнестойкости, заявляя, что она возродилась в середине XIII в. в качестве «небольшого княжества в составе Золотой орды» (р. 229). В своих границах (Ш. Занд их не указывает) оно содержало всех хазар-иудеев. Впрочем, недолго, и это было ошибкой монголов: «Монголы не понимали нужд покоренных стран на тех громадных территориях, что они захватили, и недостаточно заботились о сельскохозяйственных потребностях поработанного населения» (р. 229). Иудеи-ха-

зары, которые, видно, стали фермерами за их длительный период консервации, бежали от монголов. Вдохновленный образом утраченных колен, выпущенных из-за реки Самбатсион, Ш. Занд живописует иудеев-хазар, которые «движутся вперед в Западную Украину, а оттуда в польскую и литовскую землю» (р. 229), заполняя Восточную Европу евреями, не имеющими в этническом плане ничего общего с еврейским народом (какового, как мы узнали, и вовсе нет). Но эта величественная картина меркнет при соприкосновении с историческими фактами. Ш. Занд, по своему обыкновению, не цитирует источники, однако можно догадаться, что в основе его реконструкций лежат путанные данные, почерпнутые в публикациях Авраама Поляка. Его таинственное Хазарское княжество (царство) – *Газария* – отмечено в некоторых источниках монгольского периода. Но уже давно было показано, что это название – восходящее, как ни парадоксально, вовсе не к Хазарскому каганату, а к одноименному региону в Восточном Крыму – обозначает в источниках, относящихся к Золотой орде, вовсе не некое жизнестойкое хазарское образование, а ... саму Золотую орду [104, р. 221–226].

Ревизионистский взгляд на происхождение восточноевропейских евреев основывается на оценке, что демографический потенциал общин германских евреев (ашкеназов) был недостаточен для того, чтобы обеспечить миграционную волну на восток. Это мнение весьма субъективно, но здесь не место его обсуждать. Я хотел лишь показать, что без убежища, сооруженного для них Ш. Зандом вне времени и места, миграционный потенциал хазарских евреев был просто нулевым и обеспечить на исходе XIII в. миграционную волну, которую Ш. Занд посылает с востока на запад, они не могли никак. После разгрома Хазарии в 960-х гг. некоторые из них вынуждены были принять ислам, а те, что остались иудеями, могли внести скромный демографический вклад в малочисленные славяноязычные общины Восточной Европы, однако эта скудная еврейская популяция после удара, нанесенного монгольским вторжением, практически сошла на нет еще до прихода мигрантов-ашкеназов.

Фантастическая конструкция Ш. Занда спровоцировала поражающий воображение ответ. М. Гил, выдающийся арабист из Тель-Авивского университета, заявил в недавней статье, что хазары вообще никогда в иудаизм не обращались [73, р. 5–14], выбивая тем самым почву из-под ног ревизионистов и закрывая *in ovo* все дальнейшие попытки возвести восточноевропейских евреев к хазарам. М. Гил начинает с верного наблюдения, что ни один арабский источник IX в., включая основных историографов, упоминая хазар, не говорит об их иудаизме; в самом деле, в моем исследовании 1995 г. это является одним из аргументов того, что обращение хазар в иудаизм произошло позднее, чем было принято считать. Затем, неожиданно для арабиста, М. Гил заявляет [73, р. 7–8], что и Ибн аль-Факих аль-Хамадани (около 903 г.) не говорит об иудаизме хазар, хотя свидетельство аль-Факиха об их обращении, которое тот описывает как недавнее, широко известно и часто цитируется [68, р. 109; 101, р. 246]. По идее М. Гила, совмещение хазар и иудаизма было чистой клеветой, изобретательной уловкой для дискредитации хазар в исламском мире, придуманной

не кем иным, как Ахмадом Ибн Фадланом, посланником калифа к волжским булгарам в начале 920-х гг. Основное свидетельство о хазарском иудаизме, исходящее в следующем поколении от аль-Масуди, объясняется влиянием Ибн Фадлана [73, р. 10], хотя М. Гил не приводит текстуальных доказательств знакомства аль-Масуди с Запиской Ибн-Фадлана. Известно, что аль-Масуди сам путешествовал по Закавказью, граничащему с Хазарским каганатом, где собирал информацию для своего трактата. Объявив единственно весомыми лишь арабские источники, которые он сводит к одному [73, р. 13], М. Гил игнорирует свидетельство Кристиана из Ставело от 860-х гг., на полвека раньше Ибн-Фадлана, о недавнем обращении хазар в иудаизм [см.: 101, р. 246]. В равной мере он пренебрегает почти современным ему славянским Житием Константина. Еврейская традиция об обращении хазар кратко упоминается [73, р. 13–14] в качестве фантастической выдумки ашкеназских евреев, обезумевших от преследований и колеблющихся между преувеличенной гордостью (в связи с могущественным Еврейским царством хазар) и самобичеванием: их превращение в потомков монголов компенсировало то бесчестье, что обрушилось на потомков Авраама, Исаака и Якова. Каким образом ашкеназские евреи могли почерпнуть вдохновение в арабских текстах, М. Гил не объясняет. Ведь факт, что все ивритские источники о хазарах созданы как раз на Востоке и содержат многочисленные данные, которые невозможно найти в арабских источниках.

Опус М. Гила, хоть и опубликованный в ведущем журнале по еврейской истории – *Zion*, по его пренебрежению к источникам и к современным научным работам (автор их намеренно игнорирует), стоит на столь же зыбкой почве, что и работа Ш. Занда. Оба оппонента равно далеки от подхода, продемонстрированного девятью столетиями раньше рабби Иеудой бен Барзилаем из Барселоны. В его широко известном *респонсе* (вопреки утверждению М. Гила [73, р. 14], не являющимся единственным раввинистическим *респонсом*, упоминающим о хазарах) он не скрывает своего замешательства перед вопросом, каким образом хазары после обращения в иудаизм могли продолжать практику жертвоприношений. Он признается, что изначально усомнился в реальности их обращения. Потом, после многих расследований и после сопоставления различных версий письма царя Иосифа – их различие было одной из причин сомнений р. Иеуды – он пришел к заключению, что хазары и в самом деле были обращены, что их цари были иудеями ... и, однако, они практиковали жертвоприношения.

II. Денежная единица *закук*. О дате и месте назначения письма.

Предъявитель Письма, Мар Яаков, выступил гарантом своего брата, и после того, как брат был убит грабителями, унаследовал его долг, выплатить который был не в состоянии. Сумма долга определена в 100 *зекуким*.

Н. Голб комментирует термин *закук* (мн. ч. *зекуким*) весьма неудовлетворительно. Он переводит *зекуким* как «монеты» и толкует как «один из многочисленных терминов в иврите, обозначающих монеты» [75, р. 13, ad l. 16]. Далее он утверждает,

что хотя «обычно так обозначаются серебряные монеты», здесь «явно» речь идет о золотых, конкретно о византийском *триенсе* (греч. *trimission / tremissis*), золотой монете, соответствующей по весу и стоимости трети номисмы [75, р. 7]. В этом анализе я могу согласиться лишь с дальнейшим утверждением, что *закук* не может быть отождествлен с арабским дирхемом, серебряной монетой, наиболее широко распространенной в районе Киева в X в. Долг в 100 серебряных дирхемов был слишком скромной суммой, чтоб оправдать призывы, изложенные в письме. Однако *закук* никак не может обозначать византийский *триенс*. Последний выпуск этой монеты имел место веком раньше, чем было написано Письмо, но еще с середины VIII в. ее ввод в денежное обращение ограничивался, как отметил Ф. Грирсон, «церемониальными выпусками» [79, р. 184]. Нет ни одного указания, что эта монета когда-либо достигала Руси. Более того, и в самой Византии она никогда не была расчетной единицей; какая бы монета не использовалась для реальной оплаты, сумма указывалась в номисмах.

Однако мое основное возражение касается утверждения Н. Голба, что в рассматриваемый период термин *закук* мог обозначать просто «монету». Н. Голб ссылается на классический *Thesaurus* Элизера Бен-Йеуды, но как внимательное прочтение соответствующей словарной статьи, так и ознакомление с компьютерной базой данных проекта «Респонсы» Бар-Иланского университета, убеждают, что термин *закук* отнюдь не банален, и наводят на ряд наблюдений.

Слово *закук* впервые обретает значение монеты в комментариях XIV в. к еврейскому брачному контракту (*кетуба*), в котором этот термин используется для определения суммы, которую супруг должен выплатить жене при разводе. Для комментаторов это понятие чуждое и устаревшее, которое они пытаются перевести в монетные единицы своего времени. Однако в более раннем употреблении *закук* обозначал не монету, а некое количество, обычно фунт или полфунта, чистого серебра, которое могло быть воплощено в слитках или, если это было специально оговорено, в монетах. Само слово *закук* обозначает «очищенный» (металл), и с XII в. оно применялось для обозначения *marca puri argenti*, германской марки серебра. Употребления термина *закук* редки в XI в. и исключительны в X в. В компьютерном словаре Израильской академии языка иврит Письмо из генизы представлено как самое раннее свидетельство бытования этого значения слова. Термин используется исключительно в западном ашкеназском регионе (грубо говоря, в Каролингской империи). Он не известен восточным евреям – из всех документов генизы, столь богатых экономическими реалиями, он представлен в одном лишь нашем Письме.

Эти данные трудно совместимы с датировкой Письма, определенной Н. Голбом и О. Прицаком как начало 930-х гг. Они также заставляют поставить вопрос о предполагаемом маршруте Мар Яакова. Если он планировал сбор пожертвований в Египте, где было найдено Письмо, или вообще в еврейских общинах исламского и византийского регионов, зачем выражать сумму долга в денежных единицах, которые заведомо ничего не значили для потенциальных жертвователей? Ответ на эти

вопросы позволит уточнить наши представления и о дате Письма, и о его историческом контексте, и мы начнем с более подробного рассмотрения термина *закук*.

Самое раннее употребление термина *закук* вне Письма читается в постановлении Р. Гершом, прозванного Светочем изгнания за его роль в формировании ашкеназской раввинистической традиции. Рожденный в Меце в середине X в., он преподавал в Майнце до изгнания евреев из города в 1012 г., и умер, вероятно, до 1028 г. Его самым известным постановлением был запрет брать вторую жену, учрежденный вплоть до тысячелетия изгнания евреев из Майнца (по истечении этого срока, полагал Р. Гершом, оно будет отменено). Он также запретил развод против воли жены. Обе меры объясняются желанием приспособить нормы еврейской семейной жизни к таковым в немецком католическом обществе⁸. Постановление, в котором упоминается *закук*, не имеет даты и может быть отнесено к концу X – началу XI вв. Оно дошло до нас в составе сборника постановлений (*Sefer ha-Dinim*), составленном Р. Йеудой бен Меиром а-Коэном, учеником Р. Гершом, ранее середины XI в.⁹

«Р. Шломо сказал от имени Р. Гершом, благословенна память праведника, что запрещено поступать так, как поступают в этом царстве, и давать (в долг) на ярмарке в Кельне серебряный *закук* в 12 унций, а получать у себя дома в Майнце или в Вормсе 13 унций монет (*нешитим*).»

Р. Гершом затем разъясняет, что такая прибыль дозволена, только если заимодавец, лично или через посредника, разделяет ответственность за транспортировку товара, приобретенного на ссуженные им деньги, иными словами, становится активным партнером в сделке, которая приносит ему прибыль [70, р. 94 (№ 29)].

Объяснение термина *закук* в употреблении Р. Гершом зависит от понимания галахического контента его постановления. Еврейские купцы, не оспаривая запрет на ростовщичество, искали путей обойти его, не нарушая еврейское право. Но почему же они считали законным дать взаймы 12 унций серебра в ожидании получить обратно 13 унций? Объяснение этому явно связано с различием между чистым серебром в слитках (*закук*) и монетой (*нешитим*). Для купца было гораздо удобнее брать с собой на дальнюю ярмарку серебро в слитках, а не в мелкой монете своего города, которую пришлось бы обменивать с уценкой. Напротив, возвращая долг в своем городе после реализации товара на ярмарке, купец располагал местной монетой в избытке. Однако то, что купец признавал ценной банковской услугой, заслуживающей вознаграждения, отвергалось Р. Гершомом как ростовщичество. Важно отме-

⁸ А. Гроссман высказывает сомнение относительно этого объяснения и связывает оба постановления с образом жизни ашкеназских купцов, которые надолго покидали дом и заводили себе новую жену там, куда заносили их дела [80, р. 139–159]. На это можно возразить, что религиозные авторитеты восточных евреев сталкивались со сходными проблемами, но не приходили к подобным решениям.

⁹ О Р. Йеуде и об этой книге см.: [81, р. 175–210, особенно 195–206]. Следует подчеркнуть, что до поколения Р. Гершом и его учеников респонсы ашкеназов столь редки, что отсутствие в них термина *закук* не может служить аргументом.

тить, что Р. Гершом считает необходимым указать точный вес *закука*, не полагаясь на то, что он заранее определен и известен читателю.

Сам Р. Йеуда бен Меир а-Коэн описывает случай из собственной практики, в котором *закук* является эквивалентом «половины». Значение термина «половина» проясняется в другом казусе, описанном тем же автором, – истории об еврее, продавшем некий предмет епископу за 3 литра (фунта) пшитим (монет). Епископ заявил, что монет у него нет, и предложил уплатить еврею 5 «половинок», что, как показал И. А. Агус, было обозначением вновь созданной марки в 8 унций, «половиной» фунта в 16 унций. Преимущество слитка перед монетами – которое не желал признавать Р. Гершом – является единственным оправданием намерения епископа уплатить 2,5 фунта вместо оговоренных 3 фунтов [56, р. 152, п. 47]¹⁰. Таким образом, в тексте первой половины XI в. термин *закук* используется для обозначения 8 унций литого серебра (в одном или нескольких слитках).

Определенное указание, что *закук* означает слиток или набор слитков, содержится в комментариях к книге Второзакония (25, 13), принадлежащим Р. Шмуэлю бен Меиру из Труа (1080-е – 1150-е). Он описал мошенническую практику изготовления *закука* из двух кусков металла, кажущихся одинаковыми, но на деле слегка различающихся в весе, и взвешивания их вместе для демонстрации правильного веса. Тот, кто получает более легкий слиток, оказывается обманутым, а потому Р. Шмуэль советует изготавливать *закук* в форме единого слитка. *Закук* неоднократно упоминается в произведениях его младшего современника Р. Элизера бен Натана из Майнца (около 1090 – около 1170). Так, например, тот упоминает о практике покупки *закука* серебра для будущей поставки по цене в 10 унций, тогда как мера *закука* составляла 1 литр. Такая практика обосновывалась аналогией с предоплатой за урожай, которая оправдывала предпочтительную цену для покупателя, но Р. Элизер усмотрел в ней сходство с ростовщичеством и, следовательно, запретил (толкование к *Бава мециа*, ф. 5). Приведенная аналогия показывает, что *закук* серебра, приобретаемый за монеты, представлял из себя слиток (или слитки), рассматриваемый как товар (толкование, отвергнутое Р. Элизером). Очевидно, что здесь, как и в постановлении Р. Гершом на полтора столетия ранее, *закук* ассоциируется с литром (фунтом) в 12 унций.

С конца XII в. термин *закук* обозначает исключительно марку (*marca puri argenti*) в 8 унций, которая, с региональными вариациями, становится стандартом в Германии и вне ее. Споры позднейших комментаторов относительно веса и стоимости *закука* имеют практическое основание: возникла традиция указывать в *закуках* обязательства ашкеназского брачного контракта (*кетуба*). Как убедительно доказывает И. А. Агус, новая стандартная *кетуба*, которая представляет собой существен-

¹⁰ Как указывает И. А. Агус (со ссылкой на старые исследования, опирающиеся на Леопольда Цунца), отдельные фрагменты Сефер а-Диним Р. Йеуды были включены в респонсы Р. Меира из Ротенбурга (XIII в.). Проф. Симха Эмануэль любезно сообщил мне, что три фрагмента содержат термин *закук*.

ную переработку этого контракта, восходит к Р. Гершому. Это заслуживает краткой дигрессии.

Еврейский брачный контракт подробно указывает обязательства мужа перед женой и ее права в случае вдовства или развода. Он перечисляет и оценивает содержимое приданого, которое жена имеет право получить обратно, и обозначает установленную компенсацию (*икар а-кетуба*) – освященную и незыблемую, но подлежащую при необходимости перерасчету для актуализации монетных единиц, а также добровольную добавку, обещанную жене мужем (*мосефет кетуба*). Новая ашкеназская *кетуба*, порывая с талмудической и восточной традицией, фиксирует единообразно, по 50 фунтов серебра, как стоимость приданого, так и «добровольный» вклад мужа. Эти суммы засвидетельствованы, как практика «последнего поколения», в середине – конце XII в. с указанием общей суммы в 100 *зекуким* [72, р. 374–376].

Объяснение этого изменения брачного контракта стало предметом дискуссии между И. А. Агусом и А. Х. Фрайманом. И. А. Агус был, вероятно, первым, кто осознал, сколь огромна была общая стоимость «приданого» и мужней добавки. Он увидел в ней знак богатства ашкеназских евреев и их заботы о будущем дочерей. А. Х. Фрайман возразил, что эта сумма, которая не разнится от одной *кетубы* к другой, была доступна лишь очень немногим, а указывалась как стандартная, дабы «не позорить тех, у кого нет» после разгрома еврейских общин Рейна в ходе Первого крестового похода. Отвечая А. Х. Фрайману, И. А. Агус убедительно показал, что изменение в *кетубе* не может быть датировано XII веком, после Первого крестового похода, и настаивал на его атрибуции Р. Гершому. Он подчеркивал контрактное обязательство придерживаться сумм, перечисленных в *кетубе*, которые не могут считаться пустой похвальбой, но на замечание А. Х. Фраймана об отрыве указанных компенсаций от экономических реалий он не ответил¹¹.

Оба исследователя подметили, что новая формула контракта сделала развод крайне затрудненным, но не развили это наблюдение, так как И. А. Агус считал сумму возмещения в целом доступной, а А. Х. Фрайман в какой-то степени номинальной. Позднее Израэль Юваль высказался в том смысле, что это соображение не может способствовать объяснению изменения *кетубы*, так как запрета развода против воли жены Р. Гершомом (см. выше) было достаточно, чтобы предотвратить флигельные разводы [100, р. 195–196]. На это можно возразить, что проведение запрета в жизнь было бы трудно осуществимо без экономической санкции, обусловленной *кетубой*. В целом, систематический просмотр упоминаний *закука* в *респонсах*, где в подавляющем большинстве случаев речь идет всего о нескольких *зекуким*, поддерживает позицию А. Х. Фраймана, что лишь очень немногие еврейские мужья были в состоянии выплатить обусловленные по *кетубе* 100 *зекуким*, по минимальной оценке составлявшие свыше 20 кг серебра. В отношении же аргумента И. А. Агуса

¹¹ И. А. Агус защищает свои положения [58, р. 225–232], высказанные в более раннем исследовании [56, р. 163–168], против аргументов А. Х. Фраймана [72, р. 371–384].

добавлю, что если целью было обеспечить будущее новобрачной, то не было резона отступать от древней традиции и делать *кетубу* одинаковой для всех. Из всей совокупности данных складывается картина сознательных усилий – со стороны Р. Гершома и, вероятно, его учеников, – по устранению из еврейской семейной жизни таких черт как двоеженство и свободный развод, которые виделись наиболее несозвучными окружающему немецкому обществу. Размер денежной пени за развод делал его на практике невозможным, однако эта ситуация изменилась в течение XIII в. и все усилия раввинов XI в. сошли на нет из-за обесценивания серебряной монеты, в которой выражалась назначенная ими пеня [об этом процессе см.: 57, р. 221–256].

Это небольшое отступление не должно нас отвлечь от цели – прояснения термина *закук*, использованного в Киевском письме. Свидетельство, сохраненное Р. Иеудой бен Меир а-Коэном, подтверждает, что этот термин был в ходу в конце X – начале XI вв. Изначальное сосуществование *закука* в 12 и в 8 унций показывает, что эта расчетная единица чистого серебра возникла независимо от марки в 8 унций. Исключительное распространение термина в ашкеназском регионе обнаруживает связь еврейских общин Германии и Киева и не оставляет сомнения в том, что Письмо направлялось потенциальным еврейским донорам на Рейне, а не на Ниле. Необходимо, однако, попытаться приблизить хронологический контекст Письма ко времени первых появлений термина *закук* в *респонсах*, что также позволит нам уточнить его связь с Германией.

Эта связь, как мне кажется, является ключевой для датировки Письма. Если мы оставим в стороне загадочных рогов из Таможенных правил Раффельштеттена (около 904 г.)¹², то нет никаких свидетельств о связи между Германией и Русью ранее 950-х гг. В конце же 950-х эти связи стали столь тесными, что посольство княгини Ольги в 959 г. попросило короля (будущего императора) Оттона I направить епископа и священников для распространения христианства на Руси. Мне нет необходимости давать обзор источников этого эпизода, рассмотренных во всей полноте А. В. Назаренко, и хочу лишь напомнить о его конечном фиаско. Епископ Адальберт был направлен в Киев после долгих промедлений лишь ранней весной 961 г., но возвратился уже на следующий год, потеряв многих спутников и еле уцелев сам. Большинство исследователей объясняют столь драматический поворот событий переменой власти в Киеве. Летописи отмечают в 964 (6472) г. «возмужание» и приход

¹² Дебаты об идентичности рогов оживил недавно А. В. Назаренко, который однозначно определил их как русских купцов, торговавших на путях из Баварии в Киев, а оттуда в Хазарию в течение второй половины IX в. [19, с. 71–112]. Я отметил [42, с. 348–349], что не только эти маршруты и торговля не оставили археологических следов, но нет и следов самого города Киева ранее самого конца IX в. Руги IX в. явно являются близкими соседями Раффельштеттена в Баварии, и я придерживаюсь традиционного взгляда, согласно которому они наследуют название одноименного племени, которое поселилось по соседству, в Норике, в V в.

к власти сына Ольги Святослава, закоренелого язычника. Даже некоторые стойкие приверженцы «условной» летописной хронологии допускают датировку переворота Святослава несколькими годами раньше, в 961-м или в начале 962-го, в связи с миссией Адальберта [см.: 19, с. 263–310, с обширной библиографией]. В самом деле, трудно приписать Ольге бесцеремонное изгнание Адальберта, которое омрачило отношения между двором Оттона I и Киевом на многие годы.

Рискну предположить, что дипломатическое сближение между Русью и Германией сопровождалось – а может быть, и было предварено, – установлением связей между еврейскими общинами обеих стран. В этот период естественным было бы обращение евреев Киева за помощью к богатым единоверцам на Рейне. Однако после фиаско Адальберта в 961 или 962 г. путешествие в империю Каролингов было бы для киевского еврея весьма рискованным. Но в это время, до хазарской кампании Святослава, состоявшейся позднее в том же десятилетии, путь на восток был еще открыт. Потому, я думаю, Мар Яаков, который не мог оставаться в Киеве из-за неудовлетворенных кредиторов, и предпринял это более обременительное и рискованное путешествие. Где-то в пути, возможно в Саркеле или в Итиле, глава местной еврейской общины заверил копию его *хамлацы*, которая была затем завизирована хазарским чиновником и использовалась как проездной документ.

Мой анализ очерчивает очень узкие хронологические рамки для Письма: конец 961 или начало 962 г. Только в этот период Мар Яаков мог попросить у еврейской общины Киева *хамлацу* с намерением предъявить ее во владениях Каролингов, а затем обнаружить, что для путешественника из Киева это направление стало слишком опасным. Тем самым, Письмо сближается по времени с первым упоминанием *закука в респонсах*, но датируется до падения Хазарского каганата. Соседство ашкеназского термина *закук* с тюркской ономастикой в Письме, найденном в Каире, весьма показательно; оно дополняет другое свидетельство о пути еврейских купцов, описанном несколькими годами ранее Хасдаем Ибн Шапрутом в его письме к хазарскому царю Иосифу, – пути, ведущем из Испании в страну Гвалим (обычно отождествляемую с Чехией) и далее на Каспий.

Приведенные соображения оставляют пока открытым существенный вопрос, который касается суммы долга Мар Яакова. Как мы удостоверились, ранний *закук*, мера чистого серебра, не обладал постоянным весом. Его определение как фунт в 12 унций, следуя Р. Гершому, обременило бы Мар Яакова внушительным долгом в 30 кг серебра. (Я избегаю здесь обсуждения веса унции). Но вряд ли для читателей Письма, даже на Рейне, *закук* без обозначения веса мог обозначать нечто более конкретное, чем «мера чистого серебра». Получается, что главной целью Письма было не указать точную сумму, а засвидетельствовать доброе имя просителя, вынужденного покинуть свой город из-за очень крупного долга. Авторы Письма, несомненно, сознавали неопределенность денежной единицы, но они вполне могли выражать ею меру серебра, принятую в Киеве, в которой сумма долга рассчитывалась как для

еврея-должника, так и для его заимодавцев-язычников, – русскую гривну. При всей своей обыденности, это понятие требует разъяснения.

III. Древнерусская гривна.

Гривна – единственная русская денежная единица, упоминаемая в древнейшем слое русского летописания. Гривна – также единственная денежная единица, используемая в древнейшем слое русского обычного права – Правде русской, дошедшей до нас в 18 первых главах (по современному делению) так называемой Краткой Правды. После краткого обзора этих сведений, мы их сопоставим с данными о денежных штрафах в договорах X в. между Византией и Русью, что даст нам ключ к оценке серебряного содержания гривны. Наблюдения над серебряными слитками, известными также как гривны, дадут дальнейшие аргументы в пользу предлагаемых решений. Установление точной стоимости гривны послужит для определения реальной ценности суммы долга, указанной в Письме из генизы, и, попутно, для оценки денежной массы в обращении в Древней Руси.

а. Гривна в древнейшем источнике летописи – Сказании 1016/1017 г.

Как мне уже доводилось указывать, Новгородская I летопись младшего извода (Н1Л мл.) [по: 21] и Повесть временных лет (ПВЛ) [по: 23] восходят к своду, составленному в Киево-Печерском монастыре в 1076 г., который, в свою очередь, является расширенной обработкой Сказания, написанного в 1016/1017 г. [43, с. 183–305]. Свод 1076 г. не добавляет собственных сведений о гривне. В самом же раннем слое упоминания гривны редки и в большинстве своем связаны с событиями, современными составлению Сказания. Так, мы читаем за 1014 г., что Ярослав, княживший в Новгороде, отказался от ежегодной выплаты в 2000 гривен, посылавшейся его отцу Владимиру в Киев; он раздавал 1000 гривен каждый год своей дружине [21, с. 168]. Старинная дань, которую Новгород ежегодно платил варягам и которую Ярослав упразднил в 1016 г., составляла 300 гривен [21, с. 107; об этом эпизоде см.: 43, с. 205–206]. Ровно ту же сумму Владимир раздал нищим на пиру в честь освящения церкви Преображения Христова, построенной в ознаменование его победы над печенегами [21, с. 166].

Выплаты Ярослава новгородцам, которые возвели его на киевский престол зимой 1015/1016 г., соответствуют трем сословным категориям: 1 гривна для смердов, 10 гривен для деревенских старост и те же 10 гривен для горожан-«новгородцев» [21, с. 175; по этому эпизоду см. также старший извод: 21, с. 15]. Войско Ярослава состояло из 3000 новгородцев всех сословных категорий и 1000 варяжских наемников. Граждане Новгорода составляли «тысячу» (*вои славны тысящу*) [21, с. 174]. Как недавно напомнил П. В. Лукин, эту номинальную цифру не следует воспринимать буквально [17, с. 3–20]; однако в тот ранний период истории Новгорода она была, возможно, недалеко от реальности. Все потенциальные воины вряд ли могли быть призваны в поход, организованный за очень короткий срок, и если мы оценим коли-

чество граждан Новгорода в войске в 750, мы вряд ли ошибемся больше чем на 20%. Если мы оценим число деревенских старост в 50, расход Ярослава на поощрение последовавших за ним новгородцев мог составить, с тем же пределом погрешности, $(750+50) \times 10 + 2200 \times 1 = 10200$ гривен¹³.

Варяжские наемники Ярослава тоже должны были получить достойное вознаграждение, тем более, что Киев был взят без боя и их добыча была невелика. Автор Сказания не вдаётся в детали об их оплате, но, не исключая, даёт косвенное указание о ее размере. Ярославов поход 1015 г., в котором автор, возможно, участвовал лично, мог послужить для него моделью описания похода князя Олега на Константинополь. Многие читатели знают это описание по отредактированной версии ПВЛ, которая относит его к вымышленному походу 907 г. [23, с. 23–24]. Олег появляется в этом повествовании во главе разноплеменной оравы («варяги, и словене, и чудь, и словене (так!), и кривичи, и меря, и древляне», и еще семь племен), разместившейся на 2000 суден по 40 воинов в каждом. Эта фантазия стала общим местом в работах по византийской и древнерусской истории [см. недавний пример: 11, с. 7–35, с избирательной библиографией]. Изначальное же описание читается в НІЛ мл. Здесь поход относится ко времени после женитьбы Игоря на Ольге и рождения Святослава, примерно за четыре года до гибели Игоря: это уже окрашенное легендой воспоминание о русском походе на Константинополь в 941 г. [42, с. 346]. Победоносная армия Олега состоит исключительно из варягов и словен, разместившихся на 100 судах по 40 воинов в каждом [21, с. 108, принимая общее чтение Академического и Троицкого списков]. Это ближе к составу и численности похода Ярослава 1015 г. Поэтому, быть может, значима легендарная сумма выкупа, взысканного князем Олегом с византийцев в пользу победителей: 12 гривен на воина. Конструируя славное прошлое, автор Сказания, возможно, брал пример с Ярославовых щедрот. Если предположить, что каждый варяг получил 12 гривен, общая сумма выплат после взятия Киева составила ок. 22 тысяч гривен.

Гривна еще раз упоминается в Сказании в контексте начала княжения Владимира, когда тот, одержав быструю победу над сводным братом Ярополком, вынужден был пообещать своим варяжским союзникам выкуп по 2 гривны за каждого осажденного в Киеве. Автор даёт понять, что Владимир был неспособен выполнить это обязательство, и пошел на хитрость, чтобы от него избавиться [21, с. 127–128]. Число осажденных, подлежащих выкупу, оценить очень трудно. Ярополк, не в состоянии отразить нападение Владимира, вначале укрылся со своими воинами в Киеве, потом бежал с немногими в крепость Родню; те его воины, что остались в Киеве, подлежали выкупу наряду с горожанами и беглецами из окрестных поселений. Очевидно, во всяком случае, что Владимир, на момент прихода к власти около 978 г.,

¹³ Сходный расчет см. у Б. А. Романова [28, с. 378]. В недавних публикациях, посвященных Н. П. Бауеру, В. В. Гурулева и П. Г. Гайдуков сообщают, что данная работа, первоначально написанная Н. П. Бауером, была дополнена после Второй мировой войны Б. А. Романовым и опубликована только под его именем, так как Н. П. Бауер был осужден и расстрелян в 1942 г.

не располагал той суммой, которую Ярослав нашел в 1015 г. в казне своего покойного отца, накопленной за 37 лет благополучного правления.

б. Гривна в Краткой правде и в договорах между Византией и Русью.

Краткая правда, дошедшая до нас в статье за 6524/1016 г. в НІЛ мл. [21, с. 176–180], состоит из двух частей. В отличие от второй части и от Пространной правды, ее первая древнейшая часть [21, с. 176–177] указывает виры только в гривнах. Самое тяжелое наказание, вира в 40 гривен, назначается убийце (если семья отказывается от кровной мести) или тому, кто нанес рану, чреватую потерей руки. Следующий уровень наказания, за бесчестье, не осложненное постоянным увечьем, оценивается в 12 гривен, а ряд меньших провинностей карается штрафом в 3 гривны. Когда в статье предусматривается выплата компенсации за материальный ущерб, указывается лишь, что средством выплаты служат деньги (*скот*), без дальнейшей детализации.

Статус Краткой правды как части летописи и как документа вызывает споры. Согласно распространенному мнению, нашедшему в последнее время защитника в лице А.А. Гиппиуса [3, с. 61–63], первая ее часть воспроизводит некую грамоту, пожалованную Ярославом в 1016 г. своим новгородским союзникам. Это так называемая Правда Ярослава, вначале помещенная в некую «Новгородскую летопись XI в.» (гипотетический текст, реконструированный А. А. Шахматовым, на мой взгляд, без достаточных аргументов), а потом замененная в «летописи 1167 г.», составленной Германом Воятой (другая конструкция А. А. Шахматова, обоснованность которой я не оспариваю), на расширенную юридическую компиляцию, нашу Краткую правду. Напротив, А. П. Толочко определяет Краткую правду как компиляцию, составленную в XV в. специально для включения в НІЛ мл., продукт радикального сокращения Пространной правды [95, р. 1–56; 35; из современных изданий Правды Русской см.: 29, с. 490–517, 668–669, 675–676 (доступно также он-лайн)]. В специальной работе я признаю, что Краткая правда была вставлена в Новгородскую летопись только в конце XIV или в начале XV в., но я также показываю, что летописец, подбиравший юридический документ для олицетворения «хартии» Ярослава, не сфабриковал его, а подобрал наиболее архаичную доступную ему версию Правды. Нормы, зафиксированные в первой части этого документа, могут восходить и ко времени княжения Ярослава (1015/16–1018, гг., около 1023–1054¹⁴), и к более раннему периоду [44, р. 108–156]. В контексте данной работы, исключительное использование денежной единицы гривна в первой части Краткой правды является показателем ее древности. Первая часть Краткой правды содержит еще один такой показатель, важный не только для истории текста, но и в более широком контексте. Как я надеюсь показать, он поможет нам с уверенностью определить стоимость гривны.

В центре моей аргументации – связь между установлениями Русской правды и каждого из двух договоров между Византией и Русью (911 г. и 944 г.), включенных

¹⁴ О хронологии Святополка, чье правление предшествует правлению Ярослава, а затем его прерывает см.: [43, с. 200–202, 221–222].

в ПВЛ, относительно суммы компенсационных выплат за тяжелые раны. Правовые установления обоих договоров очень близки. Они не только почти совпадают по содержанию, но и очень сходны друг с другом в словесном выражении, что является исключительным случаем в договорах:

<p>Договор 911 г. [23, с. 27] Аще ли ударить мечем или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону (<i>v.l.</i> покону) рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико может, и да соиметь с себе и ты самыя порты, в них же ходить, а о процѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребывает тяза отолѣ не взыскаема.</p> <p>Если кто ударит мечом или побьет каким-либо орудием, за этот удар или избивание должен отдать 5 литров серебра по закону (<i>вар.</i> обычаю) русскому; если же неимущ такое совершивший, – должен отдать, сколько может, и снять с себя ту одежду, в которой ходит, а о прочем пусть даст клятву по своей вере, что никто не может помочь ему, и с тех пор (сумма) тяжбы не подлежит взысканию.</p>	<p>Договор 944 г. [23, с. 38] Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ (<i>v.l.</i> съсудьмъ) русинъ грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатитъ сребра литр 5 по закону рускому; аще ли естъ неимовитъ, да како может, въ только же проданъ будетъ, яко да и порты, въ нихъ ж ходить, да и то с него сняти, а о процѣ да роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущень будетъ.</p> <p>Если русский грека или грек русского ударит мечом, или копьем, или каким-либо оружием (<i>вар.</i> орудием), то за этот грех должен заплатить 5 литров серебра по закону русскому; если же неимущ, – сколько может, столько с него взыщется, и одежда, в которой он ходит, будет с него снята, а о прочем пусть даст клятву по своей вере, что нет у него ничего, и так отпущен будет.</p>
---	--

Ссылки на русский закон или обычай (поконъ) в договорах весьма редки. Однако здесь тот самый случай, когда весь параграф договора, явно чуждый византийской правовой практике, представляется продиктованным имперским чиновникам их русскими партнерами в соответствии с нормами их устного обычного права. Что важнее, ссылка на русское право конкретно касается определения компенсационной суммы. Как и следовало ожидать, исследователи попытались найти те же самые нормы и суммы штрафов в Правде русской.

Обе версии Правды, Краткая и Пространная, содержат положения о компенсации людям, которые подверглись ранениям оружием в ссоре. Оба текста, однако, рассматривают разные казусы, причем в довольно путаной форме.

<p>3. Аще ли кто кого ударить батогомъ любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ. 4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду. 5. Оже ли отнеть руку, и отпадетъ рука любо усохнеть, то 40 гривень. 6. Аще будетъ нога цѣла или начнетъ хромати, тогда чада смирять. 7. Аще ли перст утнеть который любо, 3 гривны за обиду.</p>	<p>23. Оже кто ударить мечемъ. Аже кто ударить мечемъ, не вынезь его, или рукоятию, то 12 гривен продажи за обиду. 24. Аже ли вынезь мечъ, а не утнеть, то гривна кунь. 25. Аже кто кого ударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылеснию, то 12 гривень. 26. Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нѣтуть. 27. Аче ли утнеть руку, и отпадетъ рука или усохнеть или нога, или око или нос утнеть, то полувирье 20 гривень, а тому за вѣкъ 10 гривень. 28. Аже перст утнеть кии любо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна кунь.</p>
<p>3. Если кто кого ударит кнутом, или жердью, или кулаком, или чашей или рогом (для питья), или тыльной стороной (ладони?), то 12 гривен; если того, кто должен платить, не поймали, то делу конец. 4. Если ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то 12 гривен за обиду. 5. Если ранил руку и отвалится рука, или отсохнет, то 40 гривен. 6. Если будет нога цела и начнет хромать, оградить детей (от попыток мести?). 7. Если отрубит какой-либо палец, 3 гривны за обиду.</p>	<p>23. Если кто ударит мечом. Если кто ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то 12 гривен штрафа за обиду. 24. Если вынул меч, но не ударил, то гривна денег. 25. Если кто кого ударит кнутом, или чашей, или рогом (для питья), или тыльной стороной (ладони?), то 12 гривен. 26. Если тот, кого ударили, ответит мечом, то вины на нем нет. 27. Если ранил руку, и отвалится рука или отсохнет, или же ногу, или глаз, или нос поранит, то полштрафа 20 гривен, а пострадавшему за увечье 10 гривен. 28. Если отрубит какой-либо палец, 3 гривны штрафа, а самому (пострадавшему) гривна денег.</p>

Статьи Краткой правды принадлежат к наиболее архаичной части документа (см. выше) и следуют вскоре за статьей об убийстве (§1 современных изданий), которое каралось – в случае отказа от мести – вирой в 40 гривен. Как отмечают комментаторы, Краткая правда сохранила изначальное представление о вире как о возмещении в пользу жертвы и его семьи, тогда как в Пространной правде штраф взыскивается в пользу князя, а компенсация потерпевшим определяется особо в случае нанесения телесного ущерба. Многие аспекты текстов заслуживают коммен-

тария, но мы ограничимся лишь одним. Если оставить в стороне персты, Краткая правда различает две базовые ситуации: удар рукой или тупым предметом, который несет в себе оскорбление, но не влечет телесного вреда, и серьезное увечье важного органа, явно нанесенное вынутым из ножен мечом и напрочь выводящее воина из строя. То же различие просматривается и в лучше сохранившемся параллельном отрывке из Пространной правды. В то время как Краткая правда присуждает за постоянное увечье руки компенсацию, равную полной вире в 40 гривен, Пространная правда отводит половину этой суммы в качестве штрафа князю, а еще 10 гривен в пользу потерпевшего. Этот текст содержит более полный перечень органов, из которого следует заключить, что атрофированный §6 Краткой правды изначально карал за нанесение раны, повлекшей утрату ноги столь же строго, как и за руку. Таким образом, обе версии Правды четко различают бесчестье и увечье. Остается лишь понять, о котором из двух, бесчестье или увечье, идет речь в договорах 911 г. и 944 г.

Обширная научная литература, посвященная договорам и Правде русской, поможет нам на удивление мало. Зачастую полезный комментарий к договорам, составленный А. В. Лонгиновым, являет пример царящей в данном вопросе путаницы [16, с. 130–136]. Как и почти все комментаторы, автор отмечает сходство между началом криминальной статьи в договоре 911 г. «Аще ли ударить мечьмъ или биеть кацѣмъ любо съсудьмъ, и т. д.» и началом §3 Краткой правды «Аще ли кто кого ударить батогомъ, и т. д.». Он утверждает, что договора не принимают в расчет «качество удара» (что было бы очень странно), но добавляет, что жестокость штрафа наводит на мысль о ране с тяжелыми последствиями для здоровья потерпевшего. Ссылки на русский закон или обычай в договорах, как верно заметил А. В. Лонгинов, касаются, как правило, определения суммы штрафа, но он не сумел найти в Правде русской эквивалента изрядной сумме в 5 византийских литров серебра. Известные мне комментарии текстов повторяют, но не развивают общепризнанную параллель между «Аще ли ударить» в договорах и «Аще ли кто кого ударить» в Краткой правде.

Прямой перевод метрологических данных в отмеченных параллелизмом статьях состоял в делении пяти византийских фунтов на 12, что дает вес гривны примерно в 136 г серебра. Этот расчет приводится во многих работах, начиная со второй половины XIX в., а недавно и у О. Прицака [88, р. 37–38]. Однако, когда В. Л. Янин в своей известной монографии 1956 г. впервые предложил системную реконструкцию «денежно-весовых систем русского средневековья», столь тяжелая гривна ни в одну систему не вошла. Не отказываясь от того же предполагаемого параллелизма, В. Л. Янин нашел путь уменьшить вес гривны наполовину, до 68,22 г, основываясь на сложных текстологических и метрологических рассуждениях [51, с. 48–52]¹⁵. Эта гривна, предположительно реликт старинной славянской весовой системы, стала краеугольным камнем янинских построений, но также и их наиболее спорным элементом [7, с. 46–51]. Недавний критический разбор аргументации В. Л. Янина, про-

¹⁵ О несовместимости этой гипотетической стоимости гривны с метрологическими систе-

деланный А. В. Назаренко, избавляет меня от необходимости проводить его здесь [18, с. 123–129]. По схеме В. Л. Янина, архаичная гривна была заменена во второй половине X в., уже после заключения договоров, на гривну в 51,19 г, а согласно А. В. Назаренко, гривна в 51 г возникает уже в IX в. [18, с. 130]. Поскольку и А. В. Назаренко признает указанный выше параллелизм между двумя статьями, ему также необходимо уравнивать 5 фунтов серебра с 12 гривнами, при том что его гривна на четверть легче той, что заявлена у его предшественника. Скажу сразу, что гривна в 51,19 г – это такая же мнимость, как и ее «архаичная» ипостась. Читателю это, я надеюсь, станет ясно после того, как я предложу альтернативный анализ текстов.

Если мы пробьемся сквозь библиографический лабиринт и непредвзято прочтем тексты, в них нет двусмысленности. Статья договора, в которой рассматривается случай, когда один человек наносит другому удар мечом или, более определенно, мечом или копьем, не может быть интерпретирована по умолчанию в том смысле, что меч не вынут из ножен, а копье то ли специально обернуто, то ли повернуто острием назад. В обоих договорах рассматривается нанесение тяжелых открытых ран, будь то оружием или другим острым предметом. В терминах Правды русской речь идет не о бесчестье, а о возможном увечье. Главное отличие в подходе к ранам в договорах и в Правде русской состоит в том, что Правда судит о тяжести ранения по его окончательному результату: атрофии органа. В договорах же подобный критерий отсутствует по вполне понятной причине. Останется ли орган дееспособным или нет, станет ясно после завершения лечения раны, но к тому времени караван купцов-русов будет уже далеко от Константинополя. Решение о санкции должно было приниматься на месте, исходя из характера раны и не дожидаясь результатов лечения. В остальном же нет сомнения, что оба договора содержат, после статьи об убийстве, статью о тяжелой открытой ране, какую наносят меч или копье в их обычном применении – в данном случае не летальной, но потенциально влекущей инвалидность. В Правде такую статью следует увязывать со статьей о нанесении ранения, а не о бесчестящем ударе.

Этот анализ приводит к главному заключению, которое позволяет, наконец, определить реальную ценность древнерусских вир. Солидная сумма в 5 фунтов серебра, которая, согласно договорам, определяется «по закону русскому», должна быть соотнесена с тяжелейшей вирой в 40 гривен, а не с вирой в 12 гривен, как принято считать. Византийская литра, подобно римской, оценивалась в 327,6 г, но эта классическая оценка давно признана чрезмерной. Современные исследования снижают оценку литры до 326,34 г или даже 324,72 г [86, р. 920]. Таким образом, штраф, указанный в договорах, представляет собой по весу между 1631,7 и 1623, 6 г серебра.

Однако в Византии X в. серебро имело хождение не в слитках, а в форме монет. Банкирам и купцам вменялось в обязанность принимать монеты без видимых дефектов по счету, а не по весу. С. Морриссон, следуя Ф. Грирсону, оценивает номинальный вес серебряного милиаресия в 2,98 г (реальный их вес обычно чуть ниже), представленными в регионе, ранее говорилось у Н. П. Бауера [1, с. 212].

близко к номинальному весу дирхема [86, р. 930; 78, р. 554–558 (с указанием веса представленных монет)]. Думаю, что милиаресии номинально чеканились из расчета 108 монет на литру, в четком весовом соотношении 3:2 к *номисме*, которая чеканилась из расчета 72 на литру, но тоже с небольшим недовесом. Пять литров серебра приравниваются, в таком случае, к 540 милиаресиям в чеканной монете, возможно, чуть больше для компенсации недовеса серебряных монет.

В источниках X в. отмечены два обменных курса милиаресия: 12 или 14 за одну золотую номисму. Эти источники весьма различны. Книга церемоний, около 946 г., применяет старый официальный курс в 12 милиаресиев за номисму для императорских раздач, и этот же курс предписан, не ранее второй половины X в., в схолии к Книге епарха [65, р. 799–800; 66, р. 76 (в аппарате к гл. 1, 4 строка 58), ср. введение, р. 37–39, о следах, оставленных в Книге епарха, редакторами между серединой X и началом XI в.]. Эти нормативные указания контрастируют с прямым свидетельством договора из Южной Италии от 959 г., где солид (номисма) приравнен к 14 милиаресиям [64, р. 6 (№ 3)]. Майкл Хенди, который приводит эти свидетельства, полагает, что курс номисмы в отчете о Критской экспедиции 949 г., приложении к *Книге церемоний*, также превышает 12 милиаресиев [83, р. 504–506]¹⁶. Более того, Ф. Грирсон и М. Хенди относят к тому же периоду указание юридической схолии (одна из *glossae noticae*, заведомо трудно поддающихся датировке), оценивающей миларесий в 1 3/4 карата, что дает соотношение в 13 5/7 миларесия к номисме [84, р. 308–309; 77, р. 67; 83, р. 504]. М. Хенди думает, что дело в неустойчивости цены серебряной монеты, а С. Морриссон предполагает ее легкую девальвацию на протяжении X в. [83, р. 505; 86, р. 930], но дело в том, что все наши данные строго современны. Мне представляется более верным, что в X в. официальный курс в 12 милиаресиев за номисму несколько переоценивал серебро, и потому в коммерческих сделках допускалась рыночная коррекция (причины объясняются ниже), которая приближала курс к 14 серебряным монетам за номисму. При соблазнительно точном курсе в 13 5/7 за номисму, 540 милиаресиев – минимальный эквивалент в монетном серебре 5-литрового штрафа договоров – должны стоить 39,4 номисмы, в то время как 548,6 милиаресия соответствуют 40 номисмам. Таким образом, штраф в 40 гривен Правды русской равен по стоимости 5 литрам серебра, если мы признаем в гривне серебряный эквивалент византийской золотой монеты – номисмы.

в. Гривенные слитки и стоимость древнерусской гривны.

Как известно и как следует из предыдущего, древнейшая гривна, стоимость которой мы обсуждаем, являлась расчетной единицей, не материализуясь в конкретный слиток серебра. Лишь к началу XII в. появляются серебряные слитки, также со временем называемые в источниках гривнами. Четыре типа слитков стандартного

вида и веса имели обращение на Руси¹⁷; слитки иного типа отливались в Литве. Поскольку источники приравнивают один из типов слитков к четырем «старым» гривнам, Н. П. Бауер предположил, что вес гривенных слитков должен отражать вес ранней гривны [1, с. 223 и сл.], каковой он определил в 49,25 г. Н. П. Бауер полагал, что гривна появилась в XI в. как эквивалент 50 западноевропейских пенни (ср. ниже). Для В. Л. Янина это была вторая по древности гривна в 51 г., существовавшая со второй половины X века, для А. В. Назаренко это древнейшая гривна, восходящая к IX в. (см. выше), но как бы то ни было, метрология гривны Н. П. Бауера стала краеугольным камнем всех последующих разысканий в этой области. Однако уже тот факт, что среди четырех типов гривны четко представлены два весовых стандарта, существенно усложняет дело.

Последний обзор гривен-слитков принадлежит Н. Ф. Котляру [10, с. 80–142]. Толчком к его составлению послужила находка в составе огромного клада 1140 г., открытого в Бурге (Готланд, Швеция), 28 целых и 6 фрагментарных русских слитков «черниговского» типа. Н. Ф. Котляр, вслед за Н. П. Бауером, отверг принадлежность слитков этого типа Черниговскому княжеству и предложил переименовать их в «северорусские» [10, с. 98–99; 1, с. 225], но недавнее открытие клада с такими же слитками в Чернигове [6, с. 48–49] побуждает повременить с переименованием. Черниговские слитки, характерно сплюснутые по краям, менее изящны в исполнении, чем остальные типы; на них видны следы ударов молотка – самого простого способа грубой проверки пробы серебра. Н. Ф. Котляр взвесил слитки из клада, а также слитки черниговского типа, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в Историческом музее, то есть почти две трети из 120 известных слитков этого типа. Средний вес 28 целых слитков в кладах – 196,2 г, в Государственном Эрмитаже (31 экз.) – 195,74 г, а в Историческом музее (15 экз.) – 195,56 г. Н. Ф. Котляр предлагает определить «весовой стандарт» слитка этого типа в 196,72 г [10, с. 100–101].

Замеры Н. Ф. Котляра очень близки данным Н. П. Бауера, указавшего для «расплюснутых» слитков средний вес приблизительно в 197 г. Тот же самый показатель Н. П. Бауер считал весовой нормой более распространенных продолговатых слитков-гривен новгородского типа, средний вес которых чуть превышает 197 г. Н. Ф. Котляр цитирует Н. П. Бауера, однако утверждает, что Н. П. Бауер ошибался в определении среднего веса новгородских гривен, каковой составлял ок. 204 г [10, с. 100; 1, с. 225]. Также и в полезной сравнительной таблице типов слитков, составленной Н. Ф. Котляром [10, с. 87], средний вес «северорусских» (т. е. черниговских) слитков указан в ок. 196 г, а новгородских – ок. 204 г. Однако позиция Н. Ф. Котляра содержит парадокс, который весьма показателен для путаницы, царящей в данном вопросе. Н. П. Бауер, ведущий специалист по древнерусской нумизматике до своей гибели от рук НКВД в 1942 г., уж конечно не ошибся в исчислении среднего веса новгородских гривен, которые он лично изучал в Эрмитаже. Только их подлинный вес был полностью заслонен чисто умозрительной цифрой в 204,756 г, которую ввел

¹⁷ Гривны-слитки были малоизвестны за пределами Древней Руси [ср.: 94, р. 7, 10].

¹⁶ М. Хенди, пользуясь неисправным изданием текста, ошибается в интерпретации отчета, где, как и во всех официальных документах, применяется официальный курс [см. теперь: 106].

В. Л. Янин. Удаление этой призрачной цифры из обсуждения – неперемное условие для решения вопроса о гривне.

В. Л. Янин утверждал, что весовое значение новгородской гривны определяется не ее реальным весом (который обозначил Н. П. Бауер), а весом серебра, использованного при ее отливке. Допуская «угар» приблизительно в 7 г в процессе литья, он определяет вес исходного слитка в 204,756 г [51, с. 46]. Деленая на 4, эта цифра дает номинальный вес в 51,19 г для древней гривны, каковая (как указано выше) появилась, по В. Л. Янину, во второй половине X в., а по А. В. Назаренко – на столетие раньше, и каковая лежит в основе реконструкции древнерусской монетной системы каждым из двух исследователей. Названные весовые показатели весьма популярны среди историков, так как они позволяют привязать и слитков, и древнюю гривну к каролингскому фунту в 409,562 г – основополагающий элемент конструкции А. В. Назаренко. Однако нет смысла отслеживать эту связь. В небольшом по объему, но ценном исследовании И. Леймус показал, что система аргументов А. В. Назаренко, при всей ее изобретательности, не дает убедительного объяснения происхождения некоей «традиционной» гривны в 51 г [15, с. 24]. Как недавно отметил А. П. Толочко, произвольное включение В. Л. Яниным веса угара в номинальный вес слитка не имеет параллелей в нумизматике и не может быть принято [34, с. 360–361]. Реальный средний вес новгородской гривны, поделенный на четыре, составил бы «старую» гривну в те самые 49,25 г, которые обозначены у Н. П. Бауера. В более поздних слоях Правды гривна делится на 50 кун или резан, откуда Н. П. Бауер предположил, что 49,25 г составляли вес 50 серебряных пенни (денариев) по ок. 1 г каждый, которые обращались в Новгороде в XI в. [1, с. 225 и сл.]. И. Леймус, однако, отметил, что расчет Н. П. Бауера занижает средний вес западных монет, имевших обращение в районе Новгорода [15, с. 26]. Таким образом, гипотеза Н. П. Бауера никуда нас не ведет.

Н. П. Бауер, а за ним и Н. Ф. Котляр, объяснили весовой стандарт в 197 г для слитков «черниговского» и новгородского типов воспроизведением скандинавской марки в 8 эре (по ок. 24,5 г) [1, 227–228; 10, с. 102]. Эта идея воспринята и развита И. Леймусом, а также А. П. Толочко (которому работа И. Леймуса осталась неизвестной). И. Леймус указал, что слитки весом ок. 197 г появляются в кладах на острове Готланд, а также в Латвии и Эстонии, со второй половины XI в. Оба исследователя подчеркивают, что когда серебряная гривна, очевидным образом новгородского типа, начинает упоминаться в договорах Новгорода с Готландом и иными торговыми партнерами с конца XII в., это платежное средство воспринимается как общее для обеих договаривающихся сторон. Они заключают, что если весовой стандарт новгородской гривны соответствовал скандинавской марке, нет оснований полагать, что, разделив его на четыре, мы получим вес древней гривны. Важно также замечание исследователей, что сама по себе идея выпуска гривны-слитка четырех-

кратного веса и стоимости по сравнению с гривной в монетах восходит к Скандинавии и конкретно к Готланду [15, с. 24–25; 34, с. 62]¹⁸

Эти ценные замечания могут быть дополнены еще одним, также сравнительно новым, и которым мы обязаны самому В. Л. Янину. Споря с Н. П. Бауером, полагавшим, что слитки черниговского типа предшествовали новгородским, появившимся только в начале XIII в. [2, с. 202], В. Л. Янин считал новгородский тип древнейшим и относил его появление к XI в. [51, с. 161–162]. Этот взгляд нашел поддержку в позднейших публикациях [19, с. 120]. Напротив, в комментарии к новооткрытой берестяной грамоте начала XIII в., где упоминается долг размером в *гривну новую* (№ 713), В. Л. Янин замечает, что эта «новая гривна» появилась в конце XII в. [55, с. 13; 5, с. 426]¹⁹. Это замечание может относиться лишь к новгородскому типу слитков. В отсутствие недавних обзоров их находок личное свидетельство наиболее информированного специалиста в этой области очень ценно и влечет далеко идущие последствия. Стремление относить появление гривен-слитков к началу XI в. восходит к историкам начала XX в., и хотя археологических свидетельств нет, его логика ясна. Обращение дирхемов прекращается на юге Руси в конце X в.; только в Северной Руси на смену дирхемам пришли импортированные западные монеты, но и их оборот вскоре пошел на спад, а в начале XII в. прекратился почти полностью. Таким образом, Русь вступила в так называемый «безмонетный» период, продлившийся до второй половины XIV в. Старая хронология слитков новгородского типа позволяла связать их напрямую с последней фазой денежного обращения в регионе. Из новой же их датировки вытекает, что слитки появились более полстолетия спустя после исчезновения монет из обращения или резкого сокращения их числа. Этот разрыв существенен для объяснения веса новой гривны (см. ниже).

Таким образом, немало важных новых наблюдений по истории денежного обращения на Руси было сделано после опубликования синтетических исследований В. Л. Янина и А. В. Назаренко. Прояснилась хронология слитков черниговского и новгородского типов: первые появляются в Южной Руси не позднее 1130-х гг., а по-

¹⁸ Я очень благодарен д-ру И. Леймусу за консультацию (устную) о слитках, весом около 197 г, найденных в Прибалтике, о которых он вкратце упоминает в своей статье. Самая существенная находка – Рийниекский клад в 18 слитков; если мы исключим два изолированных слитка в 103 и 159,9 г, остальные 16 весят в среднем 200,33 г (между 189 и 209,6 г) [см.: 97, р. 66–67 (п. 63)]. Однако другие релевантные находки исключительно редки. В отличие от новгородцев, балтийские торговые партнеры Новгорода почти не располагали стандартизированными «монетными» слитками и явно платили свои штрафы в нерегулярных слитках и монетах.

¹⁹ Между тем, В. Л. Янин отказался от определения весового стандарта в 204 г. В работе 1979 г. он описывает монетную (кунную) систему в Новгороде XIII в. как «базирующуюся на реальном слитке серебра по норме в 196,2 г» [52, с. 251]. Достойно сожаления, что в последнем переиздании исследований В. Л. Янина по истории денежного обращения на Руси, опубликованной полстолетия спустя после издания книги [54], читатель не проинформирован об эволюции взглядов автора по обсуждаемым проблемам.

следние, в Северной Руси, вряд ли ранее 1180-х. Оба типа слитков привязаны к одному и тому же скандинавскому весовому стандарту. Попытка же протянуть связь между древней и новгородской гривной посредством произвольного надления последней весом ок. 204 г оказалась тупиковой. Я определяю оба типа слитков – черниговский и новгородский – как экспортную валюту; их отливали для облегчения торговли со Скандинавией.

Третий тип древнерусских слитков, «тяжелая киевская гривна», переименованная Н. Ф. Котляром, отрицавшим ее отнесение к Киеву, в «псевдокиевскую» [10, с. 87–88], принадлежит к той же категории. Датированная первой половиной XIII в., наименее распространенная – известно ок. 50 экз., – она обладает характерной формой киевских слитков (см. ниже) и средним весом ок. 197 г [28, с. 395] (что объясняет ее отнесение некоторыми учеными к весовому стандарту в «204 г» [31, с. 64–66; 10, с. 87]).

Эти предварительные замечания могут навести читателя на мысль, что моей целью является вернуть его на позиции Н. П. Бауера, но это верно лишь отчасти. Н. П. Бауер был убежден, что Киевская Русь заимствовала свою метрологическую систему у скандинавов, и поэтому сосредоточился на черниговских и новгородских гривнах, которые привязывал к скандинавской метрологии. В. Л. Янин, оппонировав Н. П. Бауеру, попытался разрушить зависимость от Скандинавии, но сосредоточился, тем не менее, на том же самом новгородском типе слитков, каковой он безуспешно попытался привязать к иному весовому стандарту. Однако и тот и другой подход намерено оставлял в тени ромбовидную киевскую гривну, а это поистине парадокс. Н. Ф. Котляру были известны ок. 120 слитков черниговского типа (см. выше), а старая, вероятно, завышенная оценка числа находок новгородских гривен XIII в. и ранее определяет его в 118 экз. [51, с. 46]. Число же гривен киевского типа, известных Н. Ф. Котляру [10, с. 87], превышало 400 экз., и это при том, что их производство прекратилось около 1240 г. после монгольского нашествия, а не продолжалось, как в Новгороде, на протяжении XIII в. и далее. Таким образом, киевская гривна, золушка древнерусской монетной истории, была доминантным «монетным слитком» в домонгольской Руси. Было бы логично попытаться связать весовой стандарт древнейшей гривны именно с этим массовым продуктом Киевской Руси.

Появление киевской гривны датируется по-разному – XI или XII в. Забавно, что один и тот же слиток, обнаруженный в «непотревоженном археологическом контексте» в Новгороде, приводится в обоснование как более ранней [51, 171; 25, с. 107], так и более поздней [31, с. 64] даты. Допуская как компромисс датировку самым началом XII в., я подчеркиваю, что слитки киевского и черниговского типа вошли в обращение более или менее одновременно.

Наиболее существенная характеристика киевской гривны в контексте настоящей работы – ее вес. В таблицах Н. Ф. Котляра [10, с. 87], как и во многих других исследованиях, он оценивается ок. 164 г, но это, опять-таки, умозрительная цифра, основанная на утверждении В. Л. Янина [51, с. 54] о номинальном весе киевской

гривны в 163,73 г, четверть византийского фунта. Н. П. Бауер определил средний вес доступных ему 376 слитков в 158–159 г, но его собственная гистограмма показывает, с одной стороны, несколько слитков с резким отклонением от нормы (ниже 150 г), а с другой стороны, разительное сосредоточение веса в пределах 156–165 г [см.: 51, с. 53], с эффективным средним весом в 161 г. Как я уже отмечал, весовой стандарт византийского фунта (литры) определяется в новейших исследованиях немного ниже классической оценки римского фунта в 327,46 г, взятой В. Л. Яниным за основу. Таким образом, эффективный средний вес слитков киевского типа очень близок к половине фунта, но здесь не это главное. Вес киевской гривны представляет собой учетверенный серебряный вес древней гривны, определенный выше на основе договоров 911 и 944 гг. в сопоставлении с Краткой правдой.

Идея о делении веса киевской гривны на четыре возникла у ученых и раньше. В обзоре русской монетной системы, опубликованном почти тридцать лет спустя после его монографии, В. Л. Янин утверждает, что в Южной Руси гривна приобретает собственный весовой стандарт в $(163,73 : 4 =) 40,92$ г, отличный от 51,19 г на Севере [53, с. 365]. Цифры В. Л. Янина были восприняты О. Прицаком, который добавил подробные таблицы веса дробных единиц гривны (ногата, куна и др.) соответственно на Юге и на Севере, исходящие из предполагаемого веса гривны в каждом регионе [88, р. 52–55]. А. В. Назаренко предложил свою собственную сложную систему, также основанную на предположении, что «монетная и весовая система» Южной Руси «полностью отличалась» от таковой на Севере [19, с. 194–195]. Идея о двух зонах монетного обращения, восходящая к Н. П. Бауеру и В. Л. Янину, если не к их предшественникам, и предусматривающая различные весовые стандарты для одноименных денежных единиц на Киевском Юге и Новгородском Севере, была воспринята и многими другими исследователями. Не входя в ненужные детали (и не отрицая региональных различий древнерусской денежной системы²⁰), я предлагаю отклонить эту бинарную конструкцию *en bloc* по двум решающим причинам.

Одна из этих причин для читателя уже очевидна: если оставить черниговскую гривну за Черниговом, то Русь невозможно разделить на две зоны. Неудивительно, что эти слитки не обсуждаются ни В. Л. Яниным (1956), ни О. Прицаком (1998), ни А. В. Назаренко (2001), а также разительно отсутствуют в таблицах гривны В. Л. Янина [53, с. 373, табл. 152]. Отделение Чернигова от Киева и присоединение его к «северной» зоне было бы абсурдом. Поэтому Н. П. Бауер в полуфразе, а подробнее Н. Ф. Котляр попытались оторвать проблематичную гривну от Чернигова [1, с. 225; 10, с. 98–99]. Н. Ф. Котляр не предлагает альтернативный городской центр как место ее производства, полагая, что деревенские ремесленники могли отливать эти слитки «в обширном регионе от Псковщины и Северной Двины до Средней Волги». Однако подобная модель децентрализации монетного дела вызывает сомнения, а ее географический охват не соответствует карте находок, представленной самим Н. Ф. Котляром. Единственная значительная находка к востоку от Пскова, клад из 44 слитков,

²⁰ О специфике Южной зоны см. исследование Н. Ф. Котляра [8].

была сделана близ Великих Лук на Ловати, то есть на основном речном пути из Киева и Чернигова в Новгород и Скандинавию. Она ничуть не противоречит версии южного происхождения слитков черниговского типа. Еще четыре северо-восточные находки содержат вместе семь слитков. Напротив, Н. Ф. Котляр отмечает три клада в районе Чернигова, содержащие вместе 36 слитков; к ним присоединяется крупный клад, найденный недавно в самом Чернигове (см. выше). Клад из 11 черниговских гривен, найденный под Киевом, был охарактеризован Н. Ф. Котляром как «случайный» [10, с. 98]. На фоне вышеизложенного с этой оценкой согласиться трудно²¹.

Нет ничего удивительного в том, что слитки для целей внешней торговли отличались именно в Чернигове, экономическом «локомотиве» Киевской Руси XII в. Более легкие слитки, восходящие к весовому стандарту древнерусской гривны (обычные гривны киевского типа), отливались в то же время в Киеве. Поскольку в кладах, связываемых с монгольским нашествием, черниговские гривны не представлены, можно предположить, что в начале XIII в. они были заменены в качестве экспортной валюты на тяжелые киевские гривны.

Итак, на протяжении большей части XII в. «монетные» слитки черниговского и киевского типов, и только они, имели хождение повсюду на Руси. Поскольку районы их обращения в основном совпадали, они не могут относиться к двум разграниченным монетным зонам. Различие их весовых стандартов следует рассматривать как функциональное. Черниговские слитки предназначались для северной торговли, в то время как киевский тип отливался для внутреннего обращения. Следует подчеркнуть, что ни один из этих типов слитков не обозначался в источниках как «гривна». Первые слитки, которые «унаследовали» название древнерусской гривны, были отлиты в Новгороде.

Вторая причина, по которой не следует делить Русь на две зоны монетного обращения, – это полнейшее отсутствие в источниках даже намеков на существование подобного деления. Сосуществование в Новгороде и Киеве гривен различных по весу и стоимости создало бы огромные трудности не только для проведения коммерческих сделок, но и для их описания, если участники происходили из разных городов. В эпизоде вознаграждения князем Ярославом зимой 1015/16 г. в Киеве новгородцев, которые вернули его на отцовский престол (см. выше), необходимо было бы указать, выдал ли он им указанные суммы в киевских гривнах весом в 40 г, или в новгородских, на 25% тяжелее. В 1130 г. киевский князь Мстислав, вместе со своим сыном Всеволодом, сделал пожертвование Юрьевскому монастырю в Новгороде [4, с. 109–129]. В жалованной грамоте, ставшей древнейшим сохранившимся русским документом (кроме берестяных грамот), князь использует термин гривна дважды, обозначая сумму ежегодных налогов, передаваемых монастырю, т.е. в ка-

²¹ Клад из 32 черниговских гривен и 19 серебряных слитков ненормированного веса, так называемых камских лепешек (они сопровождают черниговские гривны в готландском кладе), был обнаружен кладоискателями в мае 2002 г. Он известен из сообщения в интернете (www.grivnaklad.narod.ru), где место находки не указано.

честве монетной единицы, и для обозначения веса даруемого серебряного блюда, т.е. в качестве единицы веса. В этой грамоте, написанной в Киеве и адресованной в Новгород, нет намека на то, что в каждом из этих городов гривна имела разную стоимость. Берестяные грамоты не менее красноречивы. Две из наиболее древних, обе середины XI в., сохранили сведения о займах в гривнах, полученных вне Новгорода. В грамоте № 246, которая происходит, согласно А. А. Зализняку, из Смоленска или Полоцка, некто Жировит требует от своего новгородского должника Стояна четыре с половиной гривны; он не указывает стандарт гривны. Автор грамоты № 915, вероятно, новгородец, напоминает своему новгородскому же адресату о серебряной гривне, взятой им в Киеве у «оторока» автора, и требует вернуть «деньги» (куны). Автору не приходит в голову указать стоимость серебряной гривны, хотя сделка охватывает и Киев, и Новгород [5, А.29 (с. 272) и А.5 (с. 243), соответственно]. Отсутствие какого-либо указания в источниках на то, что гривна могла различаться по серебряному содержанию от региона к региону, подчеркивает несостоятельность теории отдельных монетных зон.

Таким образом, с рубежа X–XI вв. по рубеж XII–XIII вв. многочисленные употребления термина гривна толкуются вполне однозначно. До введения слитков в Новгороде – еще в 1220-е гг. обозначаемых как «новая гривна» (см. выше) – все упоминания гривны имеют в виду ок. 40 г серебра, изредка их золотой или меховой эквивалент. Разные пути выражения стоимости гривны в шкурах – сложный предмет, о котором я сделаю только несколько кратких замечаний в Приложении. Однако признание, что существовала лишь одна гривна ценностью в ок. 40 г серебра, открывает путь к новой оценке экономики Древней Руси.

Данные XI и XII вв., относящиеся к платежам в серебре и золоте, неоднократно собирались, в первую очередь Н. П. Бауером и Б. А. Романовым, но реальная ценность называемых сумм откровенно представлялась как догадка: «Если мы допускаем вес гривны не в один фунт (около 409 г. – К.Ц.), как полагают некоторые, и не в десятую часть фунта, как полагают другие, а в треть фунта (как рассчитал Прозоровский), то получаем...» [28, с. 377]. Преимущество гривны Д. И. Прозоровского в 136 г (см. ниже) перед иными оценками не объяснено, и более попыток перевести стоимость гривны в граммы в работе не делается. Н. Ф. Котляр [10, с. 85], полагающий, что термин «гривна серебра» мог обозначать слиток серебра уже в начале 1140-х гг., допускает еще более высокую стоимость гривны. Так, он оценивает штраф в 1400 гривен, выплаченный младшим князем, Владимирком из Галича, киевскому князю Всеволоду в 1144 г., «от 230 до 280 кг серебра, в зависимости от типа монетной гривны, киевского или новгородского». По моим подсчетам, штраф, описанный летописцем как тяжелый (*много заплативъ*) [24, кол. 316], составлял лишь 56 кг серебра. С весом гривны в 40 г мы можем точнее рассчитать ценность разных даров Печерскому монастырю в Киеве, выраженную в сотнях гривен серебра и/или в десятках гривен золота [28, с. 380]. Мы можем также лучше представить себе широкий жест юного Владимира Мономаха (в 1070-е гг.), который почтил своего отца

Всеволода обедом и подарком в 300 гривен золотом [23, с. 159]: подарок должен был представлять собой мешок весом в 12 кг, наполненный, вероятно, византийскими золотыми монетами и золотыми слитками разного веса, нередкими в древнерусскихкладах [ныне я не уверен в этой интерпретации гривны золота, см. Postscriptum]²². Напомню, что крупнейший и широко читаемый русский историк В. О. Ключевский принадлежал к тем ученым, неназванным по имени Н. П. Бауером и Б. А. Романовым (цит. выше), которые приравнивали гривну к каролингскому фунту. Ее реальная ценность была в десять раз ниже.

После всех этих расчетов пришло время вернуться к проблеме стоимости закука в Киевском письме. Если признать его за фунт в 12 унций, то долг, унаследованный Мар Яковом, составит свыше 30 кг серебра (см. выше); если же рассматривать этот термин как ивритское обозначение гривны, то долг следует оценить примерно в 4 кг серебра, эквивалент ок. 1400 дирхемов или, в период столь близкий к договорам Руси с Византией, 100 номисм. Мне кажется, что в содержании Письма можно найти поддержку для последней оценки. Напомню, что сумма долга была разделена на две части: киевская община выплатила кредиторам 60 *закуков*, а Мар Яков был послан с заданием собрать оставшиеся 40 (строки 15–16). Еврейская община не стала поручителем за выплату остатка долга, и наиболее вероятная экономическая основа для его деления на две части – это продажная цена самого Якова. Кредиторы вряд ли могли затребовать за освобождение Якова, а еврейская община вряд ли заплатила бы много больше той суммы, какую можно было выручить за продажу должника в рабство. Если исходить из ценности *закука* в 12 или 8 унций серебра, то выплата в 60 *закуков* намного превзойдет ту сумму, которую можно было выручить за раба. Обычная цена при массовом выкупе составляла в X–XI вв. 100 номисм (или динаров) за трех пленников [89, р. 199–200]. В случае личного выкупа сентиментальные соображения могли поднять цену, но не кардинально выше рыночной. Поэтому идентификацию *закука* в Письме как ашкеназского *закука* оправдать трудно, а уравнение его с гривной экономически обосновано.

Напомню о старом споре между теми, кто рассматривает клады IX–X вв. как свидетельства денежного оборота внутри Руси, и теми, кто видит в них торговый капитал, сформированный вне русской территории и предназначенный для транзита в Скандинавию, если, конечно, непредвиденное несчастье его не остановит. Не возвращаясь к этому спору в целом, я обращаю внимание на сделку, упомянутую в Письме, касающуюся многих сотен дирхемов – существенно больше, чем содержи-

²² При всех своих тесных политических и торговых связях с Византией, Русь практически не находила применения для византийских золотых монет: их очень мало вкладах и их упоминания в источниках (златьникъ/золотьнткъ, златьница/златица) редки. Причина тому, я думаю, не столько в экспортном контроле за золотом (который вряд ли мог быть эффективным), сколько в падении веса и пробы византийских золотых монет, начиная с конца X в. Поэтому номисма, надежный «доллар Средневековья» во времена договоров, не могла служить ориентиром для экономики Руси в период ее становления в XI в.

мое почти любого клада, – выданных в долг и подлежащих возвращению в Киеве, предположительно в 950–960-х гг. Это, пожалуй, наше наиболее раннее несомненное свидетельство «внутреннего» денежного обращения на Руси.

Эпilog. Гривна, динар и номисма и открытое торговое пространство в IX–X вв.

Начало попыткам уравнивать русскую гривну и византийскую номисму было положено в трудах основоположников современной русской монетной истории Руси И. Ф. Круга и Д. И. Прозоровского. Так, последний заметил, что синод, созданный митрополитом Кириллом II в 1273 или 1274 г., ввел плату в 7 гривен за рукоположение в дьяконы или священники, в соответствии с византийским установлением около 1058 г. о выплате в 7 номисм [26, с. 169–173]. Это верное наблюдение сопровождалось метрологическими соображениями, которые настолько устарели, что нет смысла их приводить. Однако попытки установить византийские связи гривны были оставлены к началу XX в., и с тех пор превалирует тенденция искать для нее восточные (см. ниже), скандинавские или славянские корни.

А. В. Назаренко вернулся к этому вопросу в исследовании, на которое мне уже не раз доводилось ссылаться, изначально опубликованном в виде статьи, а потом, в обновленной форме, как глава монографии [18, 5–79; 19, с. 113–218]. Он вновь соотносил гривну с византийской золотой монетой, определив ее как «счетный солид» [19, с. 149]. Не пренебрегая наследием историографии XX в. и не отрицая связи гривны с Востоком, он очень верно определил ее как «стоимость золотой монеты (динара или номисмы – К.Ц.), выраженную в серебре» [18, с. 30–33]. Целью А. В. Назаренко было показать, что гривна представляла собой эквивалент одновременно византийской номисмы и исламского динара. Я всячески подчеркиваю замечательную новизну и справедливость этого тезиса, но при этом считаю необходимым обосновать его заново. Дело в том, что аргументация А. В. Назаренко исходит из веса гривны в 51 г, а я представил выше эту гривну как фантом. Поскольку я подробно аргументировал альтернативное представление о гривне на базе византийских свидетельств, я хотел бы под конец несколько сместить акценты и рассмотреть свидетельства с Востока.

Опираясь византийскими метрологическими и монетными данными, А. В. Назаренко формулирует понятия и высказывает предположения, которые я нахожу весьма спорными. Одно из таких понятий – «провинциальная византийская номисма», предположительно немного более легкая, чем золотая монета, имевшая хождение в столице, и потому по весу близкая к динару. Эта «провинциальная» номисма, которая якобы обращалась в VI–IX вв. [19, с. 144–148], являет собой соединение легкой номисмы, которая чеканилась в Константинополе в VI–VII вв., и номисмы, которую можно с большим основанием называть провинциальной, ибо она чеканилась и обращалась только в Византийской Италии в VIII–IX вв. Однако между двумя этими монетными сериями нет ничего общего. Легкие номисмы, введенные при Юстиниане [103, р. 87–91], имели постоянный вес и золотое содержание; эти выпуски, четко помеченные как легкие, не могли повлиять на метрологию гривны, с которой они

не совпадали во времени. Что же касается золотых монет, чеканеных в Византийской Италии, то их весовые показатели, ставшие в глазах А. В. Назаренко образцом для гривны, нерелевантны в основе, поскольку вес монет был нестабилен (редко достигая 4 г), а проба столь низка [77, р. 196–202, 212–213], что они не могли стать образцом ни для какой метрологической системы. Уравняв стандарт гривны с «провинциальной» номисмой, А. В. Назаренко [19, с. 149] вынужден ввести «Константинопольский вариант гривны» весом в 54,58 г. Поскольку ни та, ни другая гривна не соответствует данным договоров, автор [19, с. 183–188] вводит в византийскую метрологию еще и серебряный литр, иначе «большой литр», в 392,94 г, до сих пор неведомый византийцам; половина этого литра (196,47 г) представлена как гривна Правды русской и договоров. Не буду пересказывать дальнейшие превращения гривны; они основаны на метрологических гипотезах столь смелых, что им трудно следовать.

Со своей стороны, я думаю, что византийские свидетельства, представленные мною выше, вполне однозначны, чего не скажешь о восточных свидетельствах, столь же важных для нашей темы. Здесь проблема не столько в оригинальных построениях А. В. Назаренко, сколько в его базовой предпосылке относительно обменного курса золотого динара к серебряным дирхемам, которую он разделяет со многими учеными. Не будучи арабистом, я попытаюсь представить состояние вопроса, которое не отличается четкостью в работах специалистов.

Одной из дробных единиц гривны была ногата. Термин ногата полагают производным от арабского *naqd*, обозначающий монету – полноценный дирхем. Прежняя этимология, от славянского нога, представлявшая изначальную ногату как шкурку с лапами (хотя лапа зверя в славянских языках никогда не называлась ногой), была остроумно осмеяна Н. П. Бауером. Поздняя часть Краткой правды, как и Пространная правда, и другие источники четко показывают, что гривна содержала 20 ногат [1, с. 196–202, 212–213]. Некоторые арабские источники также приравнивают золотой динар к 20 серебряным дирхемам (ср. ниже). Здесь трудно предположить совпадение. Вывод о гривне как о серебряном эквиваленте динара стоимостью в 20 дирхемов напрашивается сам собой. Однако, как подчеркнул А. В. Назаренко [19, с. 114, 121], вес 20 динаров, 2,97 г x 20 = 59,4 г, не совместим ни с одной теорией о весовом значении русской гривны. В. Л. Янин и сам А. В. Назаренко пытаются вписать весовую категорию в 59,4 г в свои концепции гривны, допуская, в случае А. В. Назаренко, «арабский» вариант гривны с собственным весом [см.: 19, с. 149 и сл., с критикой В. Л. Янина]. Я нахожу их аргументы чрезвычайно сложными и спекулятивными, но что подрывает их еще больше – это факт, что обменный курс, на котором они построены, не имеет, по-моему, отношения к делу.

Некоторые современные авторитеты все еще считают обменный курс в 20 дирхемов за динар аксиомой, не нуждающейся в доказательствах. Так, например, Р. Финдли и К. О’Рурк [107, р. 48–49] указывают этот курс для всего периода классического ислама. В томе I первого издания *Encyclopaedia of Islam* (1913 г.) статья

“dirham” Э. фон Цамбаура содержит однозначное утверждение, что «В ранние дни ислама отношение золота к серебру фиксируется на уровне 14:1 (20 дирхемов=1 динар)» (р. 979). Когда первая современная «исламская» валюта была воссоздана в Ираке в 1923 г., динар был разделен на 20 дирхемов. Среди специалистов по экономической истории Средневековья этот курс был популяризирован во влиятельных работах С. Болина (1953) и, в особенности, Ф. Грирсона (1960) [60, р. 5–39; 76, р. 241–264]. Не удивительно, что идея динара, состоящего из 20 дирхемов, взята на вооружение В. Л. Яниным и А. В. Назаренко.

Однако, когда К. Каэн в 1964 г. был приглашен дать комментарий арабиста на пост-пиренновскую модель торговли между Западом и Востоком, подготовленную С. Болином и Ф. Грирсоном, он не скрыл своего замешательства при рассмотрении ее монетарного аспекта. Он пришел к выводу, что единственное свидетельство о обменном курсе в 20 дирхемов за динар, приведенное у Ф. Грирсона, – запоздалое и ненадежное [62, р. 396–397]. В томе II второго издания *Encyclopaedia of Islam* (1965 г.) Дж. К. Майлс, автор статей “dinar” и “dirhem”, осторожно обходит вопрос об обменном курсе между обеими денежными единицами. Исчерпывающий обзор средневековой исламской экономики Э. Аштора (1969) содержит одно единственное указание, что в Ираке начала IX в. динар оценивался в 20 или 22 дирхема [59, р. 40]. Вернувшись к вопросу пятнадцать лет спустя, К. Каэн занял более компромиссную позицию. Припомнив свои прежние сомнения, он все же допустил, что «при всем сказанном, все-таки кажется, что во II и III столетиях после Хиджры, дирхем и динар соотносятся по Закону в расчете 1 к 20, т. е. по весу дирхем составляет 0.7 часть динара, а соотношение золота и серебра составляет 1:14» [63, р. 14]. К сожалению, он не указал источники, которые заставили его признать этот обменный курс правдоподобным.

Наиболее ценное свидетельство, незадействованное в дискуссии, фигурирует в Книге даров и редкостей (*Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf*) XI в., впервые опубликованной в 1959 г. и теперь доступной в английском переводе. В ней сказано: «Когда почил аль-Мунтазир би-Алла, полная сумма его личной сокровищницы составила миллион дирхемов. Он обменял золотые монеты (*al-'ayn*) на серебряные монеты (*wariqan*), поскольку курс в то время был двадцать дирхемов за динар» [61, р. 209, § 306]. Автор явно намекает, что калиф аль-Мунтазир воспользовался очень выгодным курсом, практически обвиняет его во внутренней торговле, поскольку, как мы увидим, этот курс должен был измениться. Что важно, упомянутая операция может быть датирована с большой точностью: аль-Мунтазир правил только около шести месяцев в 861–862 гг. Не принимаемый во внимание арабистами факт, что русская гривна делилась на 20 ногат, приобретает в этом контексте особое значение. На раннем этапе своих торговых контактов с халифатом русские купцы, как и все остальные, приравнивали динар к 20 серебряным монетам. Возможно, и обычай делать ожерелья – изначальное значение слова гривна – из 20 дирхемов возник как раз в

этот период²³. Этот обычай может объяснить, почему Русь сохранила такое деление на двадцать и в более поздние времена, когда и в самой исламской монетной системе оно стало нерелевантным.

Свидетельства об обменном курсе динара к дирхемам становятся более надежными с конца IX в., когда биметаллизм распространился по всему халифату (прежде только один драгоценный металл, золото или серебро, превалировал в обращении каждого отдельного региона). Как подчеркивает К. Каэн, в этот период возникает нужда в учреждении официального обменного курса для фискальных и иных целей. Курс в $14 \frac{2}{7}$ дирхема за динар (из расчета золота к серебру 1:10) оставался в действии на протяжении почти всего X в. [63, р. 14]. Таким образом, в конце IX – начале X в., в период формирования русской гривны, динар официально оценивался не в 59,4 г серебра, как полагали В. Л. Янин и А. В. Назаренко, а в 42 г.

Обильные, но иные по характеру данные представлены в документах из Каирской генизы. Они фиксируют не официальный, а реальный обменный курс, применявшийся на практике с конца X по XIII вв., и трудно найти два документа, в которых обменный курс одинаков. Ш. Д. Гойтейн, собравший и прокомментировавший эти драгоценные сведения, подчеркнул, что не могло быть стабильного курса обмена золотых и серебряных монет, ибо те и другие были, в первую очередь, товаром, цена которого определялась его качеством (проба и вес) и доступностью на рынке. Ценность серебряных монет была особенно нестабильна, так как сделки осуществлялись в низкопробных дирхемах. Однако Ш. Д. Гойтейн отмечает, что во многих случаях обменный курс таких дирхемов основан на принципе: «1 золотой динар равен $13 \frac{1}{3}$ монетам чистого серебра» – соотношение, с перерывами засвидетельствованное на протяжении более двухсот лет [74, р. 390, Appendix D о валютных курсах]. По этому курсу динар должен был стоить 39,6 г серебра, в хороших дирхемах того типа, который попадал на Русь.

В отличие от Византии, где официальный обменный курс слегка завышал ценность серебра, создается впечатление, что в Халифате официальный курс слегка занижал его ценность. Однако в обоих случаях рыночная коррекция была небольшой и, что наиболее примечательно, способствовала сближению обоих курсов, делая их практически идентичными. Это выравнивание обменных курсов не отмечается современными исследователями, но оно не ускользнуло от русских купцов.

Русская гривна весом ок. 40 г возникла после того, как официальный обменный курс в Халифате был изменен с 20 до $14 \frac{2}{7}$ дирхемов за динар, что означает – после краткого правления аль-Мунтазира би-Алла в начале 860-х гг. и, вероятно, не ранее конца IX в. (см. выше). Старый курс увековечен в делении гривны на 20 ногат, но не отражается на ее весе. Это несоответствие находит объяснение в том разрыве в истории Руси IX в., который я некогда описал как «два этапа» формирования Древнерусского государства. С начала 830-х гг. до около 870 г. источники упоминают

²³ Много сказано о гривне-ожерелье у Н. П. Бауера [1, с. 208], но я не вижу необходимости останавливаться на этом вопросе, породившем немало спекуляций.

Русь, возглавляемую каганом, которая торгует, а временами и воюет с Византией и Халифатом и к которой относятся скандинавские древности, обнаруженные, в первую очередь, в районе Новгорода и Ладоги. Затем следы разрушений на памятниках, отмеченных скандинавским присутствием, свидетельствуют о больших потрясениях, и поток восточного серебра в Скандинавию практически прекращается. Начало нового подъема прослеживается в Ладоге и на Рюриковом городище около 890 г., а новые поселения, такие как Гнездово (Смоленск) и Шестовица (Чернигов), возникают около 900 г. Византийские и восточные источники о Руси X в., коих немало, никогда не называют ее правителя каганом. Я связываю эти изменения с летописным описанием, восходящим к древнейшему Сказанию, изгнания, а затем призыва «варягов». Некоторые русские ученые отрицают историчность этого нарратива, другие ограничивают длительность варяжского изгнания несколькими месяцами (следуя хронологии ПВЛ, которую они сами признают поздней и «условной»), но на самом деле, как я попытался показать, скандинавское присутствие на Руси было прервано примерно на двадцать лет [102, р. 95–120; ср.: 41, с. 76–99; 40, с. 55–77]. Когда русские купцы возобновили свою торговую деятельность в Византии и Халифате, они должны были обнаружить, что номисма и динар, почти равные по весу, теперь почти равны и в своей стоимости в серебре. Поскольку их «валютой» было исключительно серебро, они измыслили единицу расчета в серебре, которая соответствовала обоим рынкам.

Таким образом, я предполагаю, что древнерусская гривна появилась около 900 г. и определялась с момента появления весовым стандартом ок. 40 г, который оставался неизменным, пока в конце XII – начале XIII в. другая, «новая» гривна не начала обращаться в Новгороде под этим названием. Ее серебряное содержание вписывалось в скандинавскую весовую систему как пятикратное по отношению к базовой единице, *эртогу*, весом ок. 8 г. В этой системе ногата, весом ок. 2 г, оказалась очень удобной дробной единицей. Важно отметить, однако, что У. Педерсен в своем обзоре скандинавских находок гирек IX в. (сосредоточенном на Каупанге, но не ограниченном им) обратила внимание на отсутствие в Скандинавии гирек в ок. 40 г [87, р. 144 и таблицы в конце]. В противоположность этому, находки гирек в ок. 40 г нередки на Руси X–XII вв. [см.: 19, с. 161–163], хотя в остальном состав гирек очень схож с находками в Скандинавии. Гривна ок. 40 г была русским дополнением к скандинавской весовой системе.

Влиятельные работы С. Болина и Ф. Грирсона ввели представление о резком разрыве в сравнительной стоимости золота и серебра между Меровингским и Каролингским Западом, Византийской империей и Халифатом. Немалое число современных исследований полны спекуляциями о потоках золота и серебра из одного региона в другой, в зависимости от того, где обменный курс предполагается более благоприятным для каждого металла. Недавно, говоря о «монетарных реалиях» экономики раннего средневековья, Дж. У. Хек назвал в качестве «главной из них ... разительное отсутствие равновесия в обменных курсах золота и серебра меж-

ду разными соседствующими экономическими регионами – разрыв, который мог значительно способствовать исчезновению золота на христианском Западе. Соотношение золота и серебра, судя по разным средневековым источникам, было 1:12 в государстве Каролингов, 1:14 внутри Дар аль-Ислама и 1:17 в Византии». В таких условиях купцы становились специалистами в «валютных спекуляциях» [82, р. 118]. П. Спаффорд размышляет о последствиях изобилия и дешевизны золота в Византии (и, следовательно, об утечке его на Запад) [93, р. 51], в то время, как Д. Вуд, напротив, полагает, что золото перетекает в Византию и та лишается серебра [98, р. 128–129]. Такого рода научные спекуляции опасны без четкого указания источников и определения хронологических рамок. Обменные курсы VII – начала VIII в. еще очень темны²⁴, но когда свидетельства умножаются, а средиземноморская торговля обретает новую динамику, соотношение между драгоценными металлами в разных частях Средиземноморья обнаруживают тенденцию к выравниванию. Хочу особо отметить, что когда на рубеже IX–X вв. курс золота к серебру в Византии и Халифате уравнился, он вышел на уровень 1:10, повсеместно признаваемый для Западной Европы.

Русская гривна, созданная торговцами, активными на всех трех рынках, восприняла и воплотила это новое равновесие.

Приложение. Куна.

Об этимологии и первоначальном значении древнерусского слова куна идут споры. Так, по мнению О. Прицака, «это слово – подобно древнефризскому *soņa* (в сочетании *skilling cona*) – восходит к позднелатинскому *cuneus* (> старофранц. *coing* > староангл. *coin*), означая ‘клин; изображение на монетном штампе; монета’». Из такого объяснения вытекает, что слово куна – скандинавское заимствование в славянские языки [88, р. 40–41]. Более распространено представление о том, что слово было изначально славянским и всегда означало маленького пушного зверька, как правило куницу, с которой оно исключительно ассоциируется в позднейшем русском обиходе [50, с. 102–104]. Славянская этимология куны, поддержанная балтийскими параллелями, наталкивалась на возражение, что слово отсутствует в письменном корпусе старославянского и засвидетельствовано в других славянских языках довольно поздно. Не претендуя на компетентность в лингвистических спорах, я не вижу лучшего пути постичь смысл слова, чем представи в его употреблении в хронологическом порядке.

В древнейшем пласте летописи, к которому я отношу Сказание 1016/7 г., слово куна употребляется только с определением «черная» (*черна куна*) и в этом сочетании неоспоримо означает «черная куница». Такое употребление представлено в НЛ мл. [21, с. 109] в описании покорения князем Игорем племени древлян в начале 940-х гг. Победоносный Игорь и его воевода Свенельд возложили на древлян дань:

²⁴ Так, в несправедливо недооцененной работе Ж. Дюрлиа убедительно доказано, что Ф. Грирсон преуменьшил стоимость серебра в Византии седьмого века [69, р. 121].

«имаша по чернѣ кунѣ от дыма». Автор ПВЛ (около 1115 г.) передает честь покорения древлян предшественнику Игоря Олегу. По его версии событий, древляне восстают после смерти Олега против его наследника Игоря, который, покорив их вновь, увеличивает размер дани, установленный Олегом. Однако описывая покорение древлян Олегом, автор ПВЛ переносит фразу из изначального описания их покорения Игорем и Свенельдом: «имаша на них дань по чернѣ кунѣ» [13, кол. 24; ср.: 46; репринт в: 48, с. 66 (Шахматовский путь реставрации текста более сложен, чем в источнике)]. Он оставляет по недосмотру множественное число имаша (сохранено в Лаврентьевской летописи, исправлено на единственное имаше в других редакциях ПВЛ), хотя подлежащим в предложении является только Олег²⁵. Более того, в описании дани автор ПВЛ по небрежности опустил единицу обложения, домашний очаг («дым»). Приняв вторичную форму текста за первоначальную, Дж. Мартин превращает «подворную» подать в подушную: «Олег как киевский князь ‘возложил... дань в шкурку черной куницы на человека’ на древлян (племя, обитавшее к северо-западу от Киева). После того, как древляне восстали, князь Игорь восстановил власть Киева над ними и в 914 г. ‘возложил на них дань более тяжелую, чем Олег’» [85, р. 9]. Подобное изменение налоговой базы, превратив каждого древлянина в поставщика черной куницы, заставило бы подпрыгнуть объем меховой продукции на Руси.

Дважды слово куны (мн. ч.) употребляется в Сказании без какого-либо определения. Когда князь Владимир столкнулся (около 980 г.) с ультиматумом своих варяжских союзников – выкупить каждого из осажденных в Киеве за 2 гривны (см. выше), он ответил, что им придется подождать месяц, пока будут собраны куны: «пождите, оже вы куны сберуть, за месяц» [21, с. 128]. Куны здесь могут быть переведены как «монеты» или более обще – как «деньги». Другой пассаж из того же древнего пласта летописи столь же четок. В конце своего правления Владимир, ныне верный христианин, распростер свое милосердие на всякого нищего и убогого, который мог получить на княжьем дворе все, в чем нуждался: еду, питье «и от скотниц кунами» (и монетами/деньгами из казны) [21, с. 166].

Летописный свод 1076 г. добавляет от себя лишь одно употребление термина куны, весьма поучительное, в описании разграбления двора князя Изяслава в 1068 г. восставшими киевлянами, которые «бещесленое множество злата поимаша и серебра и кунами и скорою» [21, с. 189]. Следуя В. Л. Янину против А. В. Назаренко [51, с. 114; 19, с. 151], я полагаю, что куны здесь противопоставлены шкурам и обозначают только (серебряные) монеты. Автор свода 1076 г., описывая недавние события, явно представлял себе шкуры как эквивалент серебряным монетам: «серебро» было разграблено либо в деньгах, либо в шкурах. Весьма показательно, что когда игумен Сильвестр переписывал Повесть в 1116 г., он механически заменил «скорою», общее обозначение шкур, на «бълю» (так в Лаврентьевском и Радзивиловском/ Академи-

²⁵ То же явление, когда только текст Лаврентьевской летописи сохранил оригинальную неадаптированную глагольную форму в измененном контексте, рассмотрено А. А. Шахматовым во вставной части описания мести Ольги древлянам [см.: 47, с. 432].

ческом списках Повести), т. е. беличью шкуру – мех, употреблявшийся в качестве денежного эквивалента в его время и, несомненно, также и полвека назад²⁶.

Два остальных упоминания кун в ПВЛ содержатся в описании событий, которые разразились после смерти Владимира. Они появились не в изначальном рассказе о них, восходящем к Сказанию, представленному в НЛ мл., а в тех пассажах, которые, как я недавно показал [43, с. 252–257], были переписаны или впервые написаны в 1090-е гг. Первый пассаж не очень информативен. В НЛ. мл. [21, с. 169] читается краткое описание Святополка, воссевшего на престол после смерти Владимира и раздающего подарки киевлянам («нача даяти имъние имъ»). Та же сцена подробнее описана в ПВЛ: Святополк, созвав народ, «нача даяти овъмъ корзна [плащи], а другимъ кунами, и раздая множество». Здесь не указано, в каких денежных единицах, монетах или шкурах, раздавал подарки Святополк²⁷. Второй пассаж, помещенный под 6526 (1018) г., касается добровольного сбора денег новгородцами для найма варягов в помощь Ярославу, который укрылся в Новгороде после захвата Киева Святополком и его польским союзником Болеславом. Каждый горожанин жертвовал 4 куны, каждый деревенский староста давал 10 гривен и каждый боярин 18 или 80 гривен. Здесь не место обсуждать историчность этого эпизода в целом и расхождения в рукописях относительно последней цифры. Суть дела в том, что перед нами первое поддающееся датировке свидетельство употребления термина куны не в значении денег, будь то монет или шкур, вообще, а в значении специфической денежной единицы, явно дробной единицы гривны.

Так называемые «сребреники Ярослава малого веса» немало обсуждались нумизматами. В каталоге М. П. Сотникова указывает пять целых монет этой эмиссии, весом в 1.57, 1.55, 1.49, 1.37 и 1.34 г, и фрагмент весом в 1.18 г. Она приводит новые аргументы в обоснование чеканки этих монет в Новгороде для оплаты услуг варяжских наемников Ярослава и полагает, что поэтому они ориентировались на весовой стандарт «скандинавских» денариев [32, с. 118–120, 211–215]²⁸. Две самые тяжелые монеты ближе всех к норме, которую имел в виду Ярослав; также их вес очень близок к 1/25 гривны – ок. 1,6 г. В Краткой правде куна оценивается в 1/25 гривны (см. выше), что не может быть совпадением. Это наводит на мысль, что ассоциация термина куна с конкретной монетой и с определенной дробью гривны возникла лишь тогда, когда тяжелый западный денарий начал обращаться в Северной Руси в самом конце X в. Эмиссия Ярослава представляется единственной попыткой «материализовать» куны как монеты. Реальный вес серебряных монет, которые продолжали

²⁶ Ипатьевский список ПВЛ сохраняет чтение «скарору», восходящее к своду 1076 г. [24, кол. 161].

²⁷ Удивительно, что Н. Ф. Котляр [9, с. 162] цитирует именно этот пассаж как явный пример употребления термина куны для обозначения монет (и, попутно, как доказательство, что XI и XII вв. не были «безмонетными» в Южной Руси, как считают большинство ученых).

²⁸ Новый текст каталога [33] содержит немало изменений по сравнению с первым изданием и, в частности, устраняет сомнительную монету из этой серии.

поступать на Северную Русь, был очень непостоянным, но куна осталась, подобно ногате, номинальной дробной единицей гривны.

Примерно 130 лет спустя после чеканки Ярославом «сребреников малого веса», исламский ученый и купец Абу Хамид аль-Гарнати посетил Страну славян (Русь) и с большой неожиданностью для себя открыл ее монетную систему:

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурами, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *джукн*. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за *хаббу*, и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают [27, с. 35–36]²⁹.

Свидетельство Абу Хаида аль-Гарнати об обращении меховых денег на Руси (около 1150 г.) – одно из многих, но оно наиболее подробно и имеет преимущество показаний очевидца, менявшего собственные дирхемы на потрепанные беличьи шкурки. Это свидетельство стало известно слишком поздно, чтобы Н. П. Бауер и В. Л. Янин смогли его учесть в своих монографиях. Со времени публикации текста в русском переводе он часто цитируется, но, насколько мне известно, так и не вошел в «обойму» свидетельств о «монетном» обращении на Руси XII–XIII вв., где доминирует Правда русская. Я ограничусь здесь краткими пояснительными замечаниями, а затем подчеркну один аспект, важный для данной работы.

Термин *ġukn* у аль-Гарнати передает слово куна, как предлагает считать испанский издатель арабского текста Ц. Э. Дублер и как допускают, не без колебаний, но и без альтернативных предложений, русские переводчики [27, с. 73–74, прим. 99; на с. 110–119 читатель найдет отличный обзор свидетельств о меховых деньгах на Руси]. Этот *ġukn* мог обмениваться на серебряные монеты. Следует понимать, что серебряное содержание низкопробных дирхемов, чеканившихся в то время в Волжской Булгарии, которые привез с собой аль-Гарнати, оценивалось тем самым ок. 1,6 г, что вполне приемлемо. Куна-*ġukn* состояла из 18 беличьих шкурок, разрозненных или связанных вместе владельцем, с неповрежденными головами и лапками. Когда эти шкурки изнашивались и начинали распадаться, их подрезали и сшивали в посто-

²⁹ В английском варианте статьи цитировался французский перевод [67, р. 91].

янные связи, скрепленные княжеской печатью. Эта процедура дала начало монетному термину *резана*, сокращенному варианту от *резана куна*³⁰. Как было сказано выше, название куна закреплено в Краткой правде за 1/25 гривны, тогда как 1/50 гривны именуется резана; напротив, в Пространной правде 1/50 гривны обозначается как куна, без промежуточной единицы между ней и гривной. Вариантность наименования 1/50 гривны, резана и куну, много обсуждалась, но объяснения так и не получила. Однако ее легко понять, если мы допустим, что название *резана куна* было сведено к просто куне в регионах, в которых никакая иная куна более не обращалась. Явное преимущество резаны (резаной куны) перед «классической» кунной состояло в том, что эмиссия резаны контролировалась князем и приносила ему выгоду, а просто куну мог ввести в «монетный» оборот любой охотник. Отдельная потертая беличья шкурка может быть идентифицирована как векша, самая мелкая известная нам единица «денежно-меховой» системы. 18 таких векш сшивались и скреплялись печатью, составляя резану. Этот вывод не противоречит единственному указанию Краткой правды о числе векш в резане: их было более чем 12 [ср.: 1, с. 206, 215]³¹. Соединяя данные аль-Гарнати и Правды русской, я заключаю, что запечатанная связка из 18 изношенных и подрезанных беличьих шкурок, в которой я вижу резану, составляла половину стоимости 18 шкурок лучшего сорта, моей куны. В таком случае, «монетная» система, описанная аль-Гарнати около 1150 г., в которой имеют хождение как свежие, так и изношенные шкурки, соответствует больше схеме Краткой, нежели Пространной правды. По аль-Гарнати, единая система принята во всей Руси, которую он пересек с Востока на Запад.

После этого краткого комментария перехожу к своему главному выводу. Длинный период обращения меховых денег, во время которого средства платежа не имели собственной ценности (подобной золоту и серебру), а только условную, конвенциональную, является необходимым элементом для объяснения перехода к «новой гривне» в Новгороде. Когда четыре старые гривны (гривны кун или гривны ветхих кун) были признаны равными по стоимости серебряному слитку весом ок. 197 г, номинальная серебряная стоимость гривны выросла примерно на 25%. Этот переход выпадает на начало XIII в., и через два или три поколения старая гривна полностью исчезает: как указывал Н. П. Бауер, последний раз она упоминается в Нов-

³⁰ Наличие вкладах большого числа дирхемов, обрезанных по краю или разрубленных на куски, объясняет всеобщее мнение, что слово *резана* первоначально относилось к усеченной или разрубленной серебряной монете. А. И. Черепнин, а позже В. Л. Янин немало потрудились над изучением монетных фрагментов, пытаясь обнаружить систему в разное их весов [ср.: 14, с. 575–598]. Подобные исследования дали повод для интересных наблюдений, но к искомой цели не привели: в фрагментарном нумизматическом материале IX–X вв. никаких весовых норм обнаружено не было, ни для куны, ни для резаны. Я не вижу оснований полагать, что эти термины вообще использовались в тот период для обозначения монеты, фрагмента монеты или веса.

³¹ Г. В. Семенченко предлагает расчет 4 векши за резану, я не нахожу его аргументы убедительными [30, с. 245–251].

городе в духовной Климента в 1270-е гг. [2]. Приблизительно в это же самое время, в записи, датированной 6796 (1288) годом, Галицко-Волынская летопись описывает последние дни волынского князя Владимира Васильковича, который для облегчения благотворительной раздачи своих сокровищ разбил свои золотые и серебряные украшения и сосуды и перелил их в гривны (полюя в гривны) [24, кол. 914]. Это единственный известный мне «южный» источник, где термин гривна используется для обозначения слитка³².

Post-scriptum.

Предлагаемый здесь вниманию читателя русский перевод моей статьи, опубликованной семь лет тому назад по-английски, обязан своим появлением инициативе г-на Аврама Торпусмана, которому я за это глубоко благодарен. Я выверил по возможности перевод и несу ответственность за его окончательный вид. К сожалению, я не сумел сверить с оригиналами все цитаты из русскоязычных работ; они зачастую приводятся в обратном переводе с английского, за что я приношу извинения авторам (для читателя это мало что меняет). При подготовке перевода к печати я добавил пару ссылок на собственные статьи, но речь вовсе не шла о систематическом обновлении библиографии, не говоря уж о тексте. Новейших публикаций, которые потребовали бы от меня пересмотреть высказанные в работе положения, мне не попадалось. Со своей стороны, однако, я должен указать, что кратко высказанная мной идея о том, что гривна золота являла собой весовой эквивалент гривны серебра, мне кажется опрометчивой. Я не осмелился бы ныне утверждать, что подарок Владимира Мономаха отцу в 300 гривен золотом представлял собой мешок в 12 кг золота. Полагаю, что гривна золота была эквивалентна гривне серебра по стоимости, иными словами, приравнивалась по весу к византийской золотой монете, и подарок Владимира отцу весил почти в десять раз меньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауер Н.П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М., Л., 1937. С. 183–244.
2. Бауер Н.П. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение Северо-Запада Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. М., Л., 1940. Вып. III. С. 175–203.
3. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6(16). С. 3–72.
4. Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского / Ред. Ф.Б. Успенский. М., 2008. С. 109–129.

³² Когда подготовка англоязычной версии статьи подходила к концу, я получил возможность представить некоторые из ее положений в рамках «Oriental Numismatics Workshop: Monetary Circulation in 10th-century Northern Europe» (Оксфорд, 1–2 августа 2011 г.). Я очень благодарен организаторам, Люку Тредвэллу и Мареку Янковяку, за любезное приглашение.

5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
6. Казаков А., Жаров Г. Клад гривен из Чернигова // Нумизматика. 2001. № 2. С. 48–49.
7. Кистерев С.Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М., 2004.
8. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971.
9. Котляр Н.Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения древней Руси (XII–XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1973. № 5. С. 152–169.
10. Котляр Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 80–142.
11. Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. 2011. VIII. С. 7–35.
12. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
13. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет / Изд. Е. Ф. Карского. Л., 1926.
14. Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX–X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. 2009. Т. 7. С. 575–598.
15. Леймус И. Русский денежный счет XII века – свой или заимствованный? // Монета. Вологда, 2001. № 8. С. 23–30.
16. Лонгинов А.В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке: Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904.
17. Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20.
18. Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79.
19. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
20. Напольских В.В. К чтению так называемой «хазарской надписи» в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим, М., 2003. С. 221–225.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Ред. А.Н. Насонов. М., Л., 1950.
22. Орел В. О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева // Palaeoslavica. 1997. Vol. V. P. 335–338.
23. Повесть временных лет. Ч. I / изд. текста Д. С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова. М., Л., 1950.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись / Ред. А.А. Шахматов. СПб., 1908. (репринт: М., 1998).
25. Потин В.М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 84–115.
26. Прозоровский Д.И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.
27. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
28. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси: Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М., Л., 1948. С. 370–396.
29. Русская Правда. Краткая и пространная редакции / Подг. текста, пер. и ком. М.Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. IV.
30. Семенченко Г.В. Несколько дополнительных замечаний о денежном счете домонгольской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991 год. М., 1994. С. 245–251.

31. Сотникова М.П. Серебряный слиток с Изяславля-городища // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
32. Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995.
33. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.
34. Толочко А. О новгородской гривне серебра // Ruthenica. Киев, 2007. Вып. 6. С. 359–365.
35. Толочко А. Краткая редакция Правды Руской: Происхождение текста. Киев, 2009. (Ruthenica. Suppl. 2).
36. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь в зарубежной историографии. Киев, 1990. С. 99–121.
37. Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // РА. 2001. № 2. С. 38–42.
38. Толочко П.П. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева // Хазарский альманах. 2005. Вып. 2. С. 99–108.
39. Торпусман А.Н. Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя – этнос – история. М., 1989. С. 48–53.
40. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. М., 2001. № 4. С. 55–77.
41. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Археология. Киев, 2003. № 1. С. 76–99.
42. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 343–351.
43. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник / Collectanea Borisoglebica. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Париж, 2009. С. 183–305.
44. Цукерман К. О Правде русской // Ruthenica. Киев, 2014. Вып. 12. С. 108–156.
45. Шапира Д. Евреи в раннее Средневековье в соседних с Россией странах // История еврейского народа в России. Т. 1. От древности до раннего Нового времени / Ред. А. Кулик. Иерусалим, М., 2010. С. 44–76.
46. Шахматов А.А. О Начальном Киевском летописном своде. М., 1897.
47. Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 г. // А.А. Шахматов. 1964–1920: Сборник статей и материалов / Ред. С.П. Обнорский. М., Л., 1947.
48. Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003.
49. Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары. М., Иерусалим, 2005. С. 125–139. (Jews and Slavs 16).
50. Этимологический словарь славянских языков. М., 1987. Т. 13.
51. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
52. Янин В.Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. № 11. С. 251–259.
53. Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364–375. (Археология СССР).
54. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
55. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000.
56. Agus I.A. The value of the marriage contract as a measure of the economic standing of the German Jews in the Middle Ages // Horeb. 1939. March. No 5. P. 163–168.

57. Agus I.A. The Development of the Money Clause in the Ashkenazic Ketubah // *Jewish Quarterly Review*. New Series. 1939–1940. Vol. 30. P. 221–256.
58. Agus I.A. The Standart Ketuba of the German Jews and Its Economic Implications // *Jewish Quarterly Review*. New Series. 1951–1952. Vol. 42. P. 225–232.
59. Ashtor E. *Histoire des prix et des salaires dans l'Orient medieval*. Paris, 1969.
60. Bolin S. Mohammad, Charlemagne and Ruric // *Scandinavian Economic History Review*. 1953. Vol. I. P. 5–39.
61. *Book of Gifts and Rarities (Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf)* / transl. and annot. by Gh. al Hijjāwī al-Qaddūmī. Harvard, 1996.
62. Cahen Cl. Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au Haut Moyen Âge // *L'Occident e l'Islam nell'alto medioevo* (Spoleto, 2–8 aprile 1964). Spoleto, 1965. P. 391–432. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 12).
63. Cahen C. Commercial relations between the Near East and Western Europe from the VII-th to the XI-th century // *Islam and the Medieval West: Aspects of intercultural relations* / Ed. Kh.I. Semaan. Albany, 1980. P. 1–25.
64. *Codice Diplomatico Barese*. Vol. 1: Nitto de Rossi G.B., Nitti F. *Le pergamene del duomo di Bari (952–1264)*. Bari, 1897.
65. Constantinos Porphyrogenitus. *De ceremoniis aulae byzantinae*, 55 / Ed. K. Reiske. Bonn, 1829.
66. *Das Eparchenbuch Leons der Weisen* / Ed. J. Koder. Wien, 1991.
67. *De Grenade à Bagdad. La relation de voyage d'Abū Hāmid al-Gharnātī (1080–1168)* / Traduction annotée de J.-Ch. Ducène. Paris, 2006.
68. Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton, 1964.
69. Durliat J. La valeur relative de l'or, de l'argent et du cuivre dans l'empire protobyzantine (IV–VIII siècle) // *Revue numismatique 6 série*. 1980. No 22. P. 138–154.
70. Eidelberg Sh. *The Responsa of Rabbenu Gershom Meor ha-Golah*. New York, 1955.
71. Erdal M. *The Khazar Language* // *The World of the Khazars: New Perspectives* / Eds. P.B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Rona-Tas. Leiden, Boston, 2007. P. 75–108.
72. Freiman A. The value of the marriage contract in Ashkenaz and France in the Middle Ages // *Alexander Marx Jubilee Volume* / Ed. S. Lieberman. New York, 1950. Hebrew part. P. 371–384.
73. Gil M. The Khazars did not convert to Judaism // *Zion*. 2010. Vol. 75. P. 5–14.
74. Goitein S.D. *A Mediterranean society* // *The Jewish communities of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza*. Vol. I: Economic foundations. Berkeley, Los Angeles, 1967. P. 368–392.
75. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, London, 1982. P. 1–71.
76. Grierson Ph. The monetary reforms of 'Abd al-Malik: their metrological basis and their financial repercussions // *Journal of Economic and the Social History of the Orient*. 1960. No 3. P. 241–264.
77. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Part 1: Leo III to Michael III. Washington, D.C., 1973.
78. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Part 2: Basil I to Nicephorus III (867–1081). Washington, D.C., 1973.
79. Grierson Ph. *Byzantine Coinage*. London, Berkeley, CA, 1982.

80. Grossman A. The connection between religion and economy in the status of the woman in early Ashkenaz // *Religion and Economy: Connection and Interactions*. Collected essays / Ed. M. Ben Sasson. Jerusalem, 1995. P. 139–159.
81. Grossman A. *The early sages of Ashkenaz. Their life, leadership and work, 910–1096*. 3rd revised edition. Jerusalem, 2001.
82. Heck G.W. First century Islamic currency: mastering the message from the money // *Money, power and politics in early Islamic Syria* / Ed. J. Haldon. Ashgat, 2010. P. 97–123.
83. Hendy M. F. *Studies in the Byzantine monetary economy c. 300–1450*. Cambridge, 1985.
84. Hultsch F. *Metrologorum scriptorum reliquiae*, I. Leipzig, 1864.
85. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. Cambridge, 1986.
86. Morrisson C. Byzantine money: Its production and circulation // *The economic history of Byzantium from the through the fifteenth century, I–III* / Ed. A. Laiou. Washington, D.C., 2002. P. 906–966.
87. Pedersen U. *Weight and Balances* // *Means of Exchange, Dealing with Silver in the Viking Age* / Ed. D. Skre. Oslo, 2008. P. 119–195. (Kaupang Excavation Project Publication Series 2, Norske Oldfunn 23).
88. Pritsak O. *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries*. Cambridge, Mass., 1998.
89. Rotman Y. *Byzantine slavery and the Mediterranean world*. Cambridge, Mass., 2009.
90. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People*. Tel-Aviv, 2008 (in Hebrew).
91. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People*. New York, 2009.
92. Schwarzfuchs S. Review of: Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca – London, 1982 // *Revue de l'histoire des religions*. 1984. No 201. P. 432–434.
93. Spufford P. *Money and its use in Medieval Europe*. Cambridge, 1988.
94. Spufford P. *How rarely did medieval merchants use coin?* Utrecht, 2008.
95. Tolochko O. The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2007. Vol. 15. No. 1. P. 1–56.
96. Torpusman A.N. Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century // A. Demsky (ed.), *The Are the Names: Studies in Jewish Onomastics*. Vol. 2. Ramat-Gan, 1999. P. 171–175.
97. Urtans V. *Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.)*. Riga, 1977.
98. Wood D. *Medieval economic thought*. Cambridge, 2002.
99. Wörn D. "Sirota" als sozialrechtlicher Terminus im russischen Mittelalter (Anmerkungen zum Verhältnis von rethorisch-topischem und terminologischem Sprachgebrauch) // *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl* / Hrsg. U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler. Stuttgart, 1986. S. 171–187. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 28).
100. Yuval I. The Financial Arrangements of Marriage in Ashkenaz in the Middle Age // *Religion and Economy: Connection and Interactions*. Collected essays / Ed. M. Ben Sasson. Jerusalem, 1995. P. 191–207.
101. Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor: A study of the anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. 1995. Vol. 53. P. 237–270.

102. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Eds. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. (Réalités byzantines 7).
103. Zuckerman C. Du village à l' Empire: autor du Registre fiscal d'Aphroditô (525/526). Paris, 2005.
104. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 201–230. (Monographies du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance 25).
105. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in north-eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.
106. Zuckerman C. A chapter in the Byzantine paleography of accountancy: The fractions // Book of Ceremonies, Millennium. 15. 2018 (in print).
107. Findley R., O'Rourke K.H. Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium. Princeton: Princeton University Press, 2007.

REFERENCES

1. Bauer N.P. Denezhnyj schet Russkoj Pravdy. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, Moscow, Leningrad, 1937, pp. 183–244.
2. Bauer N.P. Denezhnyj schet v dukhovnoj novgorodtsa Klimenta i denezhnoe obrashchenie Severo-Zapada Rusi v XIII v. *Problemy istochnikovedeniya*, Moscow, Leningrad, 1940, vol. III, pp. 175–203.
3. Gippius A.A. K istorii slozheniya teksta *Novgorodskoj pervoj letopisi*. *Novgorodskij istoricheskij sbornik*, 1997, vol. 6(16), pp. 3–72.
4. Gippius A.A. Zagadki Mstislavovoj gramoty. F.B. Uspenskij (ed.), *Miscellanea Slavica: Sbornik statej k 70-letiyu B. A. Uspenskogo*, Moscow, 2008, pp. 109–129.
5. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialekt*. Moscow, 2004.
6. Kazakov A., Zharov G. Klad griven iz Chernigova. *Numizmatika*, 2001, No 2, pp. 48–49.
7. Kisterev S.N. *Russkoe denezhnoe obrashchenie v trudakh V.L. Yanina*. Moscow, 2004.
8. Kotlyar M.F. *Groshovij obig na teritorii Ukrainy doby feodalizmu*. Kiev, 1971.
9. Kotlyar N.F. Eshche raz o «bezmonetnom» periode denezhnogo obrashcheniya drevnej Rusi (XII–XIII vv.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 1973, No 5, pp. 152–169.
10. Kotlyar N.F. Severoruskie («chernigovskie») monetnye grivny. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1994. Novoe v numizmatike*, Moscow, 1996, pp. 80–142.
11. Kuzenkov P.V. Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. *Prichernomor'e v Srednie veka*, Moscow, 2011, vol. VIII, pp. 7–35.
12. Kyzlasov I.L. *Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepej*. Moscow, 1994.
13. *Lavrent'evskaya letopis'*. Vol. 1. *Povest' vremennykh let*. Leningrad, 1926.
14. Lebedev V.P., Zorin A.V. Denezhnoe obrashchenie na territorii kurskikh severyan v IX–X vv. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*, 2009, T. 7, pp. 575–598.
15. Lejmus I. Russkij denezhnyj schet XII veka – svoj ili zaimstvovannyj? *Moneta*, Vologda, 2001, No 8, pp. 23–30.
16. Longinov A.V. *Mirnye dogovory russkikh s grekami, zaklyuchennye v X veke: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie*. Odessa, 1904.
17. Lukin P.V. Sobytiya 1015 g. v Novgorode. K otsenke dostovernosti letopisnykh soobshchenij. *Otechestvennaya istoriya*, Moscow, 2007, No 4, pp. 3–20.
18. Nazarenko A.V. Proiskhozhdenie drevnerusskogo denezhno-vesovogo scheta. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1994. Novoe v numizmatike*, Moscow, 1996, pp. 5–79.
19. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vv.* Moscow, 2001.
20. Napol'skikh V.V. K chteniyu tak nazyvaemoj “khazarskoj nadpisi” v Kievskom pis'me. Golb N., Pritsak O. *Khazarско-еврейские документы X века*, Jerusalem, Moscow, 2003, pp. 221–225.
21. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda*. Moscow, Leningrad, 1950.
22. Orel V. O slavyanskikh imenakh v evrejsko-khazarском pis'me iz Kievа. *Palaeoslavica*, 1997, vol. V, pp. 335–338.
23. *Povest' vremennykh let*. Part I. Moscow, Leningrad, 1950.
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. St-Petersburg, 1908.
25. Potin V.M. Prichiny prekrashcheniya pritoka zapadnoevropejskikh monet na Rus' v XII v. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.*, Moscow, 1961, pp. 84–115.
26. Prozorovskij D.I. *Moneta i ves v Rossii do kontsa XVIII stoletiya*. St-Petersburg, 1865.
27. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.)*. Moscow, 1971.
28. Romanov B.A. Den'gi i denezhnoe obrashchenie. *Istoriya kul'tury drevnej Rusi: Domongol'skij period. T. 1. Material'naya kul'tura*, Moscow, Leningrad, 1948, pp. 370–396.
29. Russkaya Pravda. Kratkaya i prostrannaya redaktsii. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, St-Petersburg, 1997, T. IV.
30. Semenchenko G.V. Neskol'ko dopolnitel'nykh zamechanij o denezhnom schete domongol'skoj Rusi. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1991 god*, Moscow, 1994, pp. 245–251.
31. Sotnikova M.P. Serebryanyj slitok s Izyaslavya-gorodishcha. *Kul'tura srednevekovoj Rusi*, Leningrad, 1974.
32. Sotnikova M.P. *Drevnejshie russkie monety X–XI vv. Katalog i issledovanie*. Moscow, 1995.
33. Sotnikova M.P., Spasskij I.G. *Tysyacheletie drevnejshikh monet Rossii. Svodnyj katalog russkikh monet X–XI vv.* Leningrad, 1983.
34. Tolochko A. O novgorodskoj grivne serebra. *Ruthenica*, Kiev, 2007, vol. 6, pp. 359–365.
35. Tolochko A. *Kratkaya redaktsiya Pravdy Ruskoj: Proiskhozhdenie teksta*. Kiev, 2009.
36. Tolochko P.P. Spornye voprosy rannej istorii Kievskoj Rusi. *Slavyane i Rus' v zarubezhnoj istoriografii*, Kiev, 1990, pp. 99–121.
37. Tolochko P.P. Mif o khazaro-iudejskom osnovanii Kievа. *Rossijskaya arkheologiya*, Moscow, 2001, No 2, pp. 38–42.
38. Tolochko P.P. K voprosu o khazaro-iudejskom proiskhozhdenii Kievа. *Khazariskij al'manakh*, 2005, vol. 2, pp. 99–108.
39. Torpusman A.N. Antroponimiya i mezhetnicheskie kontakty narodov Vostochnoj Evropy v srednie veka. *Imya – etnos – istoriya*, Moscow, 1989, pp. 48–53.
40. Zuckerman C. Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. *Slavyanovedenie*, Mjscow, 2001, No 4, pp. 55–77.
41. Zuckerman C. Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. *Arkheologiya*, Kiev, 2003, No 1, pp. 76–99.
42. Zuckerman C. Perestrojka drevnejšej russkoj istorii. *U istokov russkoj gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskij sbornik*, St-Petersburg, 2007, pp. 343–351.
43. Zuckerman C. Nablyudeniya nad slozheniem drevnejshikh istochnikov letopisi. C. Zuckerman (ed.), *Boriso-Glebskij sbornik / Collectanea Borisoglebica*, Vol. 1, Paris, 2009, pp. 183–305.

44. Zuckerman C. O Pravde ruskoj. *Ruthenica*, Kiev, 2014, vol. 12, pp. 108–156.
45. Shapira D. Evrei v rannee Srednevekov'e v sosednikh s Rossiej stranakh. A. Kulik (ed.), *Istoriya evrejskogo naroda v Rossii. T. I. Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni*, Jerusalem, Moscow, 2010, pp. 44–76.
46. Shakhmatov A.A. *O Nachal'nom Kievskom letopisnom svode*. Moscow, 1897.
47. Shakhmatov A.A. Kievskij Nachal'nyj svod 1095 g. S.P. Obnorskij (Ed.), *A.A. Shakhmatov. 1964–1920: Sbornik statej i materialov*, Moscow, Leningrad, 1947.
48. Shakhmatov A.A. *Istoriya russkogo letopisaniya*. St-Petersburg, 2003.
49. Erdal' M. Khazarskij yazyk. *Khazary*, Moscow, Jerusalem, 2005, pp. 125–139.
50. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov*. Moscow, 1987, T. 13.
51. Yanin V.L. *Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ya. Domongol'skij period*. Moscow, 1956.
52. Yanin V.L. K istorii formirovaniya novgorodskoj denezhnoj sistemy XV v. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 1979, No 11, pp. 251–259.
53. Yanin V.L. Russkie denezhnye sistemy IX-XV vv. *Arkheologiya SSSR. Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo*, Moscow, 1985, pp. 364–375.
54. Yanin V.L. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda*. Moscow, 2009.
55. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 godov)*. Moscow, 2000.
56. Agus I.A. The value of the marriage contract as a measure of the economic standing of the German Jews in the Middle Ages. *Horeb*, 1939, March, No 5, pp. 163–168.
57. Agus I.A. The Development of the Money Clause in the Ashkenazic Ketubah. *Jewish Quarterly Review. New Series*, 1939–1940, vol. 30, pp. 221–256.
58. Agus I.A. The Standart Ketuba of the German Jews and Its Economic Implications. *Jewish Quarterly Review. New Series*, 1951–1952, vol. 42, pp. 225–232.
59. Ashtor E. *Histoire des prix et des salaires dans l'Orient medieval*. Paris, 1969.
60. Bolin S. Mohammad, Charlemagne and Ruric. *Scandinavian Economic History Review*, 1953, vol. I, pp. 5–39.
61. *Book of Gifts and Rarities (Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf)*. Harvard, 1996.
62. Cahen Cl. Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au Haut Moyen Âge. *L'Occidente e l'Islam nell'alto medioevo (Spoleto, 2–8 aprile 1964)*, Spoleto, 1965, pp. 391–432.
63. Cahen C. Commertion relations between the Near East and Western Europe from the VII-th to the XI-th century. Kh.I. Semaan (ed.), *Islam and the Medieval West: Aspects of intercultural relations*, Albany, 1980, pp. 1–25.
64. *Codice Diplomatico Barese*. Vol. 1: Nitto de Rossi G.B., Nitti F. Le pergamene del duomo di Bari (952–1264). Bari, 1897.
65. Constantinos Porphyrogenitus. *De ceremoniis aulae byzantinae*, 55. Bonn, 1829.
66. *Das Eparchenbuch Leons der Weisen*. Wien, 1991.
67. *De Grenade à Bagdad. La relation de voyage d'Abū Hāmid al-Gharnāī (1080-1168)*. Paris, 2006.
68. Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton, 1964.
69. Durliat J. La valeur relative de l'or, de l'argent et du cuivre dans l'empire protobyzantine (IV–VIII siècle). *Revue numismatique 6 série*, 1980, No 22, pp. 138–154.
70. Eidelberg Sh. *The Responsa of Rabbenu Gershom Meor ha-Golah*. New York, 1955.
71. Erdal M. The Khazar Language. P.B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Rona-Tas (eds.), *The World of the Khazars: New Perspectives*, Leiden, Boston, 2007, pp. 75–108.
72. Freiman A. The value of the marriage contract in Ashkenaz and France in the Middle Ages. S. Lieberman (ed.), *Alexander Marx Jubilee Volume*, New York, 1950, Hebrew part, pp. 371–384.
73. Gil M. The Khazars did not convert to Judaism. *Zion*, 2010, vol. 75, pp. 5–14.
74. Goitein S.D. A Mediterranean society. *The Jewish communities of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. Vol. I: Economic foundations*, Berkley, Los Angeles, 1967, pp. 368–392.
75. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, London, 1982.
76. Grierson Ph. The monetary reforms of 'Abd al-Malik: their metrological basis and their financial repercussions. *Journal of Economic and the Social History of the Orient*, 1960, No 3, pp. 241–264.
77. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Part 1: Leo III to Michael III*. Washington, D.C., 1973.
78. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Nicephorus III, 717–1081. Part 2: Basil I to Nicephorus III (867–1081)*. Washington, D.C., 1973.
79. Grierson Ph. *Byzantine Coinage*. London, Berkely, CA, 1982.
80. Grossman A. The connection between religion and economy in the status of the woman in early Ashkenaz. M. Ben Sasson (ed.), *Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays*, Jerusalem, 1995, pp. 139–159.
81. Grossman A. *The early sages of Ashkenaz. Their life, leadership and work, 910–1096*. Jerusalem, 2001.
82. Heck G.W. First century Islamic currency: mastering the message from the money. J. Haldon (ed.), *Money, power and politics in early Islamic Syria*, Ashgat, 2010, pp. 97–123.
83. Hendy M. F. *Studies in the Byzantine monetary economy c. 300–1450*. Cambridge, 1985.
84. Hultsch F. *Metrologicorum scriptorum reliquiae*, I. Leipzig, 1864.
85. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. Cambridge, 1986.
86. Morrisson C. Byzantine money: It's production and circulation. A. Laiou (ed.), *The economic history of Byzantium from the through the fifteenth century*, I-III, Washington, D.C., 2002, pp. 906–966.
87. Pedersen U. Weight and Balances. D. Skre (ed.), *Means of Exchange, Dealing with Silver in the Viking Age*, Oslo, 2008, pp. 119–195.
88. Pritsak O. *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries*. Cambridge, Mass., 1998.
89. Rotman Y. *Byzantine slavery and the Mediterranean world*. Cambridge, Mass., 2009.
90. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People*. Tel-Aviv, 2008 (in Hebrew).
91. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People*. New York, 2009.
92. Schwarzfuchs S. Review of: Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca – London, 1982. *Revue de l'histoire des religions*, 1984, No 201, pp. 432–434.
93. Spufford P. *Money and its use in Medieval Europe*. Cambridge, 1988.
94. Spufford P. *How rarely did medieval merchants use coin?* Utrecht, 2008.

95. Tolochko O. The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*, 2007, Vol. 15, No. 1, pp. 1–56.
96. Torpusman A.N. Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century. A. Demsky (ed.), *The Are the Names: Studies in Jewish Onomastics*, Vol. 2, Ramat-Gan, 1999, pp. 171–175.
97. Urtans V. *Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200. g.)*. Riga, 1977.
98. Wood D. *Medieval economic thought*. Cambridge, 2002.
99. Wörn D. "Sirota" als sozialrechtlicher Terminus im russischen Mittelalter (Anmerkungen zum Verhältnis von rethorisch-topischem und terminologischem Sprachgebrauch). U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler (Hrsg.), *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl*, Stuttgart, 1986, pp. 171–187.
100. Yuval I. The Financial Arrangements of Marriage in Ashkenaz in the Middle Age. M. Ben Sasson (ed.), *Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays*, Jerusalem, 1995, pp. 191–207.
101. Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to Judaizm and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor: A study of the anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo. *Revue des études byzantines*, 1995, vol. 53, pp. 237–270.
102. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman (eds.), *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, Paris, 2000.
103. Zuckerman C. *Du village à l'Empire: autor du Registre fiscal d'Aphroditô (525/526)*. Paris, 2005.
104. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatum. C. Zuckerman (ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*, Paris, 2006, pp. 201–230.
105. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in north-eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 311–336.
106. Zuckerman C. A chapter in the Byzantine paleography of accountancy: The fractions. *Book of Ceremonies, Millennium*, 2018, vol. 15 (in print).
107. Findley R., O'Rourke K.H. *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Constantin ZUCKERMAN

École pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (Paris, France)

ON THE KIEVAN LETTER FROM THE GENIZAH OF CAIRO

Abstract: This study focuses on two major issues in the Keivan Letter from the Genizah of Cairo that have not been treated in a satisfactory manner. The first issue concerns the diplomatic aspect of the Letter, which is a copy — not the original — of the letter produced by the Jewish community of Kiev on behalf of a member in distress. This observation has a crucial impact on the historical interpretation of the document. The second issue concerns the monetary unit, zaquq, named in the Letter to describe the debt that needed to be repaid by its bearer. This rare term,

which the Kievan Letter seems to be the earliest surviving text to employ, links it to the Jewish communities of the Carolingian realm. An attempt to situate zaquq on Rus'ian ground prompts us to explore the complex nature of the Rus'ian grivna, which presents structurally similar traits. and of the early Rus'ian "monetary" system as a whole. This exploration also touches on increasingly larger issues leading to some observations on the monetary bases of the tenth-century East-West trade.

Keywords: Kievan Letter, Genizah of Cairo, Khazars, Kiev, Jewish marriage, R. Gershom Meor Hagola, zaquq, marca puri argenti, grivna, miliaresion, kuna, nogata, rezana.

Рис. 1. Киевское письмо из Каирской генизы (Cambridge, T-S /Glass/ 12.122) [по: 75].

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ В ПОСТФЕМНЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XI – XII ВВ.): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Судьбы византийской администрации в Крыму XII – первой четверти XIII вв. неизвестны. Последние печати функционеров империи здесь, как и в Византии в целом, датируются концом XI в. Как известно, к началу XII в. административный аппарат уменьшается в размерах, упрощается как в столице, так и в провинциях. Центральные органы власти «приватизирует» аристократия, по преимуществу принадлежащая к клану Комнинов, тогда как в провинциях она переходит в руки принадлежавших к этому клану магнатов, опиравшихся как на свои поместья, так и этерии своих «людей». Отсюда многочисленные печати представителей рода Комнинов и связанных с ними фамилий в Малой Азии и на Балканах. Есть они и в Крыму. После разгрома Константинополя и образования Трапезундской империи крымские владения Византии в юго-западном Крыму, с Херсоном и «климатами Готии», переходят под контроль Трапезунда, приобретая на протяжении XIII в. определенную автономию.

Ключевые слова: Византия, Крым, фемы, Комнины, Трапезунд, климаты Готии, моливдовулы.

Упоминания о фемах в целом исчезают со страниц византийских источников с конца XI в. С 90-х гг. исчезают и моливдовулы фемных функционеров, что отметил И. Йорданов для Паристриона [30, с. 73]. В Крыму применительно к Херсонесу и Сугдее можно сказать то же самое [7, с. 170; 18, с. 56–60]. Как следствие, сложилось мнение о том, что фемная организация, в том числе и военные контингенты фем были заменены чем-то иным. Для Закавказья данный процесс фиксируется с 40-х гг. XI в., когда Константин Мономах распустил стратиотское ополчение фемы Иверия, заменив военную службу уплатой налогов [31, с. 354.88–94]. В 70-х гг. XI в. в связи с сельджукским нашествием на первый план выходят наемные дружины, продолжавшие пополняться выходцами с Запада. Часть из них вошла в состав византийской элиты (Рогерии, Петралифы, Франкопулы) [11, с. 214–216].